

ISSN 2411-6122

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Научный журнал

2016

Выпуск 3 (11)

ISSN 2411-6122

**SIBERIAN CRIMINAL PROCEDURE AND
CRIMINALISTIC READINGS**

Scientific journal

2016

Issue 3 (11)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ли Гоцян** — профессор, института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- Ван Чжи Хуа** — Председатель института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- В.А. Азаров** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.
- Е.П. Ищенко** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация.
- Н.П. Кириллова** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
- Г.А. Василевич** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.
- О.И. Андреева** — доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
- Е.В. Смахтин** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Суходолов** — доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*гл. ред.*)
- А.А. Протасевич** — доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*зам. гл. ред.*)
- И.В. Смолькова** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*науч. ред.*)
- И.Г. Смирнова** — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*отв. ред.*)
- Д.А. Степаненко** — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, г. Иркутск, Российская Федерация
- В.Н. Китаева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- М.С. Дунаева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Н.Ю. Литвинцева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*выпускающий ред.*)
- Р.В. Мазюк** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- О.А. Егереева** — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Выпуск подготовлен в рамках гранта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (Номер задания 29.1247.2014/К).

THE EDITORIAL COUNCIL

- Li Gotsyan** — professor, Institute of comparative jurisprudence, Chinese political and legal university, Beijing, China.
- Wang Zhi Hua** — Chairman of Institute of comparative law, Chinese political and legal university, Beijing, China.
- Vladimir A. Azarov** — dr Sc (law), professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the head of chair of criminal procedure and criminalistics, Dostoyevsky Omsk state university, Omsk, Russian Federation.
- Evgenii P. Ishchenko** — dr Sc (law), professor, the head of chair of criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation.
- Natalia P. Kirillova** — dr Sc (law), professor, the associate professor, professor of chair of criminal procedure and criminalistics, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Grigirii A. Vasilevich** — dr Sc (law), professor, the head of chair of a constitutional Law of Law department, the Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus.
- Olga I. Andreyeva** — dr Sc (law), the associate professor, the head of chair of criminal procedure, public prosecutor's supervision and law-enforcement activity of Law institute, National research Tomsk state university, Tomsk, Russian Federation
- Evgenii V. Smakhtin** — dr Sc (law), the associate professor, professor of chair of criminal law and procedure of Institute of state and law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

THE EDITORIAL BOARD

- Aleksander P. Sukhodolov** — dr Sc (econ.), Baikal State University, Rector, Irkutsk, Russian Federation (*Editor-in-chief*)
- Aleksander A. Protasyevich** — dr Sc (law), professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, the head of chair of criminalistics, judicial examinations and legal psychology, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Iraida V. Smolkova** — dr Sc (law), professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of chair of criminal law, criminology and criminal procedure of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Irina G. Smirnova** — dr Sc (law), associate professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the head of chair of criminal law, criminology and criminal procedure of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Diana A. Stepanenko** — dr Sc (law), professor, , Deputy Director for Science, Russian university of justice, Moscow, Russian Federation, Russian university of justice (East Siberian branch), Irkutsk, Russian Federation
- Valentina N. Kitayeva** — candidate of law, the associate professor, the associate professor of chair of criminalistics, judicial examinations and legal psychology of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Marina S. Dunayeva** — candidate of law, the associate professor, the associate professor of chair of criminal law, criminology and criminal procedure of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Nanalija Yu. Litvintseva** — candidate of law, the associate professor, the associate professor of chair of criminal law, criminology and criminal procedure of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Roman. V. Mazyuk** — candidate of law, the associate professor, the associate professor of chair of criminal law, criminology and criminal procedure of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation
- Olesya A. Egereva** — candidate of law, the associate professor of chair of criminalistics, judicial examinations and legal psychology of Law institute, Baikal state university, Irkutsk, Russian Federation

---

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Богатова Е.В. Контрольно-надзорная деятельность за законностью отказа в возбуждении уголовного дела.....	8
Мазюк Р.В., Куулар Ю.Ц. Компетентность переводчика и публичный интерес в уголовном судопроизводстве.....	17
Рябинина Т.К. Вопросы реализации принципа обеспечения обвиняемому права на защиту в стадии назначения судебного заседания.....	28
Савчук Т.А. Правовые дефекты норм уголовно-процессуального законодательства БЕЛАРУСИ И РОССИИ, регламентирующих домашний арест.....	36
Смолькова И.В. Самооговор как разновидность показаний обвиняемого	44
Струкова В.В. К вопросу об оказании неквалифицированной юридической помощи со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве.....	53
Шадрин В.С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях.....	59

КРИМИНАЛИСТИКА

Алиева Г.А. Тактика использования знаний сведущих лиц при расследовании взяточничества и коммерческого подкупа в сфере ЖКХ.....	69
Лукьянчиков Е.Д., Лукьянчиков Б.Е. О проведении встречного опознания	74
Попова Е.И. О некоторых направлениях создания криминалистических рекомендаций по защите прав и законных интересов потерпевших.....	82

Трибуна молодого ученого

Чистилина Д.О. Влияние общества на эффективность правосудия	90
--	----

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Василевич Г.А. Смертная казнь: преодоление разногласий и пути ее отмены	99
--	----

НОВИНКИ	113
----------------------	-----

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ	117
---------------------------------------	-----

CONTENT

CRIMINAL PROCESS

Bogatova E.V. Control and supervisory activities For the legality of the refusal to institute criminal case	8
Maziuk R.V., Kuular Yu.Ts. The competency of a translator and the publik interest in criminal proceedings	18
Ryabinina T.K. The implementation of the principle of ensuring the accused the right to defense in stage the purpose of the hearing.....	29
Savchuk T.A. Legal defects rules of criminal procedure legislation BELARUS and RUSSIA regulating house arrest	37
Smolkova I.V. Self-incrimination as a kind of the testimony of the accused.....	45
Strukova V.V. To the question about the unqualified provision of legal assistance by a lawyer in criminal proceedings	53
Shadrin V.S. The refusal of the public prosecutor from procecution in modern conditions	60

CRIMINALISTICS

Alieva G.A. To the question about the effectiveness of the involvement of a specialist in the investigation of bribery and commercial bribery in utilities.....	69
Lukianchykov E.D., Lukianchykov B.E. About the realization of cross-identification.....	74
Popova E.I. Some of the areas of forensic create recommendations for the protection of the rights and legitimate interests of victims.....	83

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Chistilina D.O. The influence of society on the effectiveness of justice.....	90
--	----

SPECIAL OPINION

Vasilevich G.A. Death penalty: overcoming differences and ways of its cancellation.....	99
--	----

NEW PRODUCTS	113
--------------------	-----

INVITATION TO PUBLICATIONS	117
----------------------------------	-----

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В данной статье рассматривается деятельность по контролю и надзору за законностью принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Приводятся данные официальной статистики и анализируется практика прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля. Делается вывод о приоритетной роли и эффективности прокурорского надзора среди других видов контроля и надзора в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ведомственный контроль, судебный контроль, стадия возбуждения уголовного дела.

E.V. Bogatova

CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES FOR THE LEGALITY OF THE REFUSAL TO INSTITUTE CRIMINAL CASE

This article reviews the activities of the control and supervision over the legality of the decision refusal to initiate criminal case. Presents data the official statistics and analyzes the practice of prosecutorial supervision, departmental and judicial control. It is concluded that the priority role and effectiveness of prosecutor's supervision, among other types of control and surveillance in the stage of a criminal case.

Keywords: public prosecutor's supervision, departmental control, judicial control, stage of initiation of criminal case.

Законность принятого следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела подлежит проверки со стороны руководителя следственного органа, прокурора и суда, при наличии жалобы заинтересованного лица. Своевременное выявление нарушения имеет немаловажное значение для защиты потерпевшего и восстановления его нарушенных прав. Так, председатель Следственного

комитета РФ в своем выступлении отметил, что «следует изменить психологию отношения к процессуальным решениям об отказе в возбуждении уголовного преследования, имея в виду, что они равнозначны с точки зрения защиты прав результату расследования»¹. Эта фраза является ключевой в формировании совершенно нового взгляда на значение всей стадии возбуждения уголовного дела и важности вынесения законного и обоснованного решения. Однако система контроля и надзора по ряду причин не всегда способна обеспечить правомерность принятия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Руководитель следственного органа, являясь самым приближенным субъектом контроля, в первую очередь имеет возможность проверить обоснованность принятого следователем решения и устранить нарушения путем его отмены. Однако на практике в связи с ведомственной заинтересованностью, чаще всего, указанное полномочие используется для затягивания общего срока предварительной проверки, что не способствует установлению законности [1, с. 51-56].

В случае бездействия руководителя следственного органа устранить допущенные нарушения имеет возможность прокурор. В связи с внесенными в УПК РФ изменениями от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ² отмечается возрастающее значение его полномочий в стадии возбуждения уголовного дела [2, с. 239; 3, с. 30-32]. Расширение перечня процессуальных действий, проводимых в первой стадии уголовного процесса, свидетельствует о необходимости повышения эффективности проверки сообщения о преступлении, а следовательно и надзора за законностью принятого решения. Признав постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, прокурор выносит мотивированное постановление о его отмене. Вместе с тем, данное полномочие не имеет властно-распорядительного характера, что позволяет органам следствия после проведения дополнительной проверки принимать аналогичное реше-

---

¹См.: В Санкт-Петербурге состоялось расширенное заседание коллегии Следственного комитета, посвященное итогам работы за первое полугодие 2014 года и задачам на второе полугодие текущего года. Следственный комитет РФ. Главные новости [Электронный ресурс] URL: <http://www.sledcom.ru/actual/408190/> (дата обращения: 14.09.2014 г.)

² Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

ние. Так, в 2012 г. по России увеличилось на 11 % число отмененных прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Распространены случаи неоднократного вынесения данных постановлений при наличии признаков преступления либо по неполно проверенным данным. Только в 30 охваченных в 2012 г. проверкой Генеральной прокуратуры регионах два и более раза прокурорами отменялось 170 тыс. таких решений, почти 2,3 тыс. из них – свыше 10 раз. Например, в Ставропольском крае прокурор вынужден был 5 раз отменять незаконные постановления следователя по факту безвестного исчезновения человека, пока добился возбуждения уголовного дела об убийстве (в настоящее время виновный осужден)¹.

Дело в том, что вынесение незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления либо по неполно проверенным обстоятельствам сообщения о преступлении, а также в случае отсутствия единообразной практики применения норм уголовно-процессуального закона, является наиболее распространенным способом укрытия преступлений от учета [4, с. 12; 5, с. 118].

Так, по данным Прокуратуры Саратовской области в 2014 г. из 19 выявленных и поставленных на учет преступлений в органах Следственного комитета 7 (или 37 %) были укрыты путем принятия незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела; в 2015 г. выявлено и поставлено на учет на 47,4 % больше преступлений (28)².

К примеру, 20.01.2014 г. в СО по г. Балаково СУ СК РФ по Саратовской области из прокуратуры г. Балаково поступило сообщение по факту невыплаты заработной платы работникам ООО «Усадьба».

По данному факту СО по г. Балаково СУ СК РФ по Саратовской области проведена проверка в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, по результатам которой 19.02.2014 г. принято решение об отказе в возбуж-

---

¹ См.: Генеральная прокуратура. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2013 [Электронный ресурс] URL: http://genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/82414/. (дата обращения: 19.05.2013)

² См.: Информационно-аналитическая справка о состоянии работы прокуратуры Саратовской области по надзору за законностью рассмотрения сообщений о преступлениях в органах предварительного следствия за 2015 г. // Архив Прокуратуры Саратовской области.

дении уголовного дела в отношении директора ООО «Усадьба» М.Н.П. по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

25.03.2014 г. постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменено заместителем прокурора г. Балаково, материал направлен для проведения дополнительной проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении М.Н.П. по ст. 145.1 УК РФ.

26.06.2014 г. СО по г. Балаково СУ СК РФ по Саратовской области возбуждено уголовное дело № 82380 по признакам преступления предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ.

26.12.2014 г. предварительное следствие по делу окончено и дело направлено прокурору г. Балаково для принятия решения в порядке ст. 221 УПК РФ¹.

Данный пример характеризует низкое качество ведомственного контроля, который не смог обеспечить своевременное принятие законного решения, и высокую эффективность надзорной деятельности, именно использование прокурором своих полномочий в полном объеме позволило добиться реальных результатов.

Вместе с тем не всегда прокурорски работники принимают исчерпывающие меры для устранения нарушений. Так, с 2013 г. СО по г. Энгельс СУ СК РФ по Саратовской области проводилась проверка в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ по заявлению Р.Т.Ф. о ненадлежащем оказании медицинской помощи ее внуку. По материалу неоднократно принималось решение об отказе в возбуждении уголовного дела, последнее 27.02.2015 г. на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Прокуратурой г. Энгельса указанный материал представлен в прокуратуру области с заключением о законности принятого решения.

09.04.2015 г. решение об отказе в возбуждении уголовного дела отменено и.о. прокурора области и материал направлен руководителю СУ СК РФ по Саратовской области для организации проведения дополнительной проверки.

06.05.2015 г. СО по г. Энгельс СУ СК РФ по Саратовской области возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления,

---

¹ См.: Информационно-аналитическая справка о состоянии работы прокуратуры Саратовской области по надзору за законностью рассмотрения сообщений о преступлениях в органах предварительного следствия за 2014 г./ Архив Прокуратуры Саратовской области.

предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.¹ Другими словами нарушение было устранено усилиями вышестоящего прокурора, однако с момента совершения преступления прошло около двух лет.

В случае бездействия руководителя следственного органа и прокурора, гражданин, чьи права нарушены постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела может обратиться в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Однако существующие пределы рассмотрения жалоб в ряде случаев приводят к излишнему сужению компетенции суда на данной стадии [6, с. 14-19; 7, с. 14-16].

Так, постановлением Ленинского районного суда г. Пензы от 3 сентября 2013 г. П.Д.В. отказано в принятии к рассмотрению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление старшего следователя К.А.А. от 26 июня 2013 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении З.А.А. по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 292, ст. 303 УК РФ.

Своё решение суд мотивировал тем, что доводы осужденного, изложенные в его жалобе, касаются оценки доказательств по уголовному делу, эти доводы проверялись на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом, а потому не могут быть предметом рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Пензенского областного суда от 6 ноября 2013 г. постановление суда оставлено без изменения.

Президиум областного суда признал данные выводы необоснованными, указав следующее.

В соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2007 г. № 31-О-О ст. 125 УПК РФ не исключает обжалование постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении преступных действий, совершенных в ходе производства по уголовному делу, по которому постановлен вступивший в законную силу приговор.

Как следует из материалов дела, П.Д.В. обратился в Ленинский районный суд г. Пензы с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просил признать незаконным постановление старшего следовате-

---

¹ См.: Информационное письмо заместителя прокурора области Маслова Т.В. О состоянии прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах СУ СК РФ по Саратовской области // Информационный бюллетень Прокуратуры Саратовской области. 2015. № 8. С. 57.

ля об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении следователя З.А.А., в действиях которого, по мнению заявителя, при производстве предварительного расследования по уголовному делу усматриваются признаки преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 1 ст. 292, ст. 303 УК РФ.

Поскольку в жалобе заявитель оспаривал законность постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного в порядке ст. 144-145 УПК РФ после вступления приговора в законную силу, а не действия следователя З.А.А. при производстве предварительного расследования по уголовному делу, вывод в судебных решениях об отсутствии возможности для обжалования постановления следователя противоречит требованиям уголовно-процессуального закона и затрудняет заявителю доступ к правосудию.

Постановление Ленинского районного суда г. Пензы от 3 сентября 2013 г. и апелляционное постановление от 6 ноября 2013 г. президиумом отменены, материал направлен на новое рассмотрение. (Постановление Президиума № 44у-34 от 24 апреля 2014 г.)¹

Таким образом, несмотря на прямое закрепление в УПК РФ возможности обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, суды, ссылаясь на пределы своей деятельности, в ряде случаев отказывают в принятии к рассмотрению жалобы, что говорит о низкой эффективности деятельности суда. Это подтверждает и судебная статистика (табл. 1).

Таблица 1

Результаты рассмотрения судом жалоб на решения об отказе в возбуждении уголовного дела²

Реализация полномочий суда в порядке ст. 125 УПК РФ	Год			
	2012	2013	2014	2015

¹См.: Обзор практики президиума Пензенского областного суда по кассационному рассмотрению материалов за 10 месяцев 2014 года [Электронный ресурс] URL: <http://www.oblsud.penza.ru/article/Default.asp?print=1&id=910> (дата обращения: 20.04.2015 г.)

² См.: Генеральная прокуратура РФ. Сводный отчет по Российской Федерации по форме НСиД за январь-декабрь 2015 г. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 25.02.2016).

Рассмотрено судом жалоб на решения об отказе в возбуждении уголовного дела	22 974	20 578	19 286	17 016
Удовлетворено	2 075	1 608	1 327	1 036
Удовлетворено, %	9	7,8	6,9	6

Как видно из приведенных данных за последние четыре года наблюдается тенденция к снижению количества рассмотренных обращений граждан в порядке ст. 125 УПК РФ. С 2012 г. количество жалоб сократилось на 26 %. Вместе с тем снижается и процент решений признанных судом незаконными. Если в 2012 г. было удовлетворено 9 % жалоб, то в 2015 г. он составил 6%.

При этом суд в случае признания постановления об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным не уполномочен прямо обязывать органы расследования отменить это постановление и возбудить уголовное дело. Невыполнение дознавателем, следователем обязанности устранить допущенные нарушения, на которые указывает суд, может служить основанием не только для обжалования этих действий (бездействия) вышестоящему прокурору или в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения.

По результатам рассмотрения жалобы судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

Однако существование таких пределов приводит к формальному отношению при исполнении судебных решений. В соответствии со ст. 392 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Вместе с тем, в связи с недостатками правовой регламентации деятельности суда в стадии возбуждения уголовного дела, данные требования не всегда могут быть исполнены. Связано

это с тем, что в случае признания постановления об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, суд имеет лишь право требовать устранения допущенных нарушений, при этом не может давать указания, устанавливать сроки их исполнения. Данное обстоятельство приводит к тому, что ставится под сомнение эффективность деятельности суда и его способность оказывать реальное влияние на законность действий и решений органов расследования в стадии возбуждения уголовного дела. Ситуацию усугубляют и имеющиеся на практике факты неоднократного рассмотрения жалоб на аналогичные по содержанию решения органов расследования, которые ранее признавались судом незаконными и необоснованными.

Так, 14.05.2010 г. Л.А.М. обратился в следственный отдел по Промышленному району г. Ставрополя следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Ставропольскому краю с заявлением по факту смерти его матери в результате действий сотрудников медицинского учреждения г. Ставрополя. По данному заявлению 7 раз выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, последнее было принято 08.08.2013 г., т.е. проверка продолжалась на протяжении более трех лет. За это время указанное решение 6 раз признавалось судом незаконным и необоснованным¹. Формально нарушение в данном случае устранялось, так как руководителем следственного органа каждый раз отменялось указанное постановление, однако в последующем принималось аналогичное решение. В данном случае ни деятельность суда, ни руководителя следственного органа нельзя считать эффективной, т.к. права потерпевшего не были восстановлены.

Отсутствие права установить в постановлении конкретные меры по устранению нарушений, как это, например, может делать прокурор, отменяя незаконное решение следователя, приводит и к возможности фактически не исполнять решение суда. Однако существующие пределы рассмотрения жалоб препятствуют возможности правового урегулирования данного вопроса. Указывая действия, которые органы расследования должны выполнить, судья не сможет оставаться беспристрастным при последующем рассмотрении дела по существу.

Таким образом, из трех субъектов контроля и надзора, наделенных правом проверять законность отказа в возбуждении уголовного дела, в настоящее время только прокурор обладает совокупностью

---

¹ Архив Ставропольского краевого суда за 2013 г. Дело № 22к-6673/2013.

условий для осуществления эффективной деятельности - необходимым объемом полномочий и ведомственной незаинтересованностью, а снижение качества его работы связано, как правило, с чисто субъективными причинами.

Список использованной литературы

1. Кузнецов М.П. О некоторых вопросах уголовно-процессуальной деятельности прокурора и руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела // Следственная практика. Научно-практический сборник. Выпуск 193. М., 2014. С. 51-56.

2. Климова Я.А. Трансформация полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. Вып. 2 (8). С. 234-242.

3. Богатова Е.В. Надзор за законностью приема и регистрации сообщений о преступлении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. Вып. 2 (8). С. 30-35.

4. Петров А.В. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 12.

5. Сечной А.М., Проскуряков В.В. Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими деятельность по раскрытию преступлений // Следственная практика. Научно-практический сборник. Выпуск 195. М., 2015. С. 118.

6. Ковтун Н.Н. Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14-19.

7. Константинов П., Стуканов А. Рассмотрение жалоб на действия (бездействия) дознавателя, следователя и прокурора // Законность. 2004. № 1. С. 14-16.

Информация об авторе

Богатова Екатерина Владимировна – преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Саратовская государственная юридическая академия, 410600, г. Саратов, ул. Вольская 1; e-mail: Bogatovaev@yandex.ru.

Information about the author

Bogatova Ekaterina Vladimirovna – lecturer of the Department of Prosecutor's supervision and organization of law enforcement activities, Saratov State Academy of Law, 410600, Volskaya St. 1, Saratov; e-mail: Bogatovaev@yandex.ru
УДК 343.131.2

Р.В. Мазюк, Ю.Ц. Куулар

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

В статье рассматриваются требования, которые предъявляются к переводчику как участнику уголовного судопроизводства. Анализ различных точек зрения по данному вопросу и правоприменительной практики позволяет утверждать о возможности применения по уголовным делам электронного (автоматического) перевода. В целом, в статье делается вывод о том, что публичный интерес при реализации принципа языка уголовного судопроизводства заключается в обеспечении на уровне символической системы представления информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию или имеющих значение по уголовному делу, единообразное ее понимание всеми участниками уголовного судопроизводства. Реализация этого интереса государством не в полной мере зависит от компетентности переводчика-человека и может быть осуществлена посредством электронного (автоматического) перевода.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, переводчик, электронный перевод, процессуальный интерес.

R.V. Maziuk, Yu.Ts. Kuular

---

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

THE COMPETENCY OF A TRANSLATOR AND THE PUBLIC INTEREST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses requirements that apply to the interpreter as participant of criminal proceedings. The analysis of different points of view on the subject and practice suggests the possible use in criminal cases electronic (automatic) translation. Overall, the article concludes that the public interest in implementing the principle language of criminal proceedings is to ensure at the level of the symbolic system of presenting information about the circumstances subject to proof or having a value in a criminal case, the uniform understanding by all participants of the criminal proceedings. The implementation of this government interest is not fully depends on the competence of the translator-the person and may be made by electronic (automatic) translation.

Keywords: the language of criminal proceedings, translator, electronic transfer, procedural interest.

Проблема участия переводчика в уголовном судопроизводстве является одной из самых распространенных на практике. Если в теории уголовно-процессуального права принцип языка уголовного судопроизводства особых теоретических дискуссий не вызывает, то его реализация в правоприменительной деятельности сталкивается с рядом проблем как процессуального, так и организационного характера. Наибольшая сложность при реализации права участников уголовного судопроизводства пользоваться помощью переводчика возникает с редкими языками и диалектами, особенно тех народов и национальностей, которые не входят в традиционный состав Российской Федерации.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, в чем заключается публичный интерес Российской Федерации в уголовном судопроизводстве при выборе следователем, дознавателем, судом специалиста для осуществления функции перевода по уголовным делам? Если законный интерес тех участников уголовного судопроизводства, которым УПК РФ предоставлено право пользоваться помощью переводчика, очевиден, он сформулирован на уровне норм международного права, то процессуальный интерес следователя, дознавателя, суда, которые являются должностными лицами государства, обязаны обеспечить в необходимых случаях по уголовному делу участие переводчика, нуждается в определении.

Так, Комитет министров Совета Европы в Рекомендации от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «О способах облегчения доступа к правосудию»¹ отмечает, что «когда одна из сторон процесса не обладает достаточным знанием языка, на котором ведется судопроизводство, государство должно обратить особое внимание на проблему устного и письменного перевода и обеспечить, чтобы неимущие и малоимущие лица не находились в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к суду или участия в судебном процессе в силу их неспособности говорить или понимать используемый в суде язык» (п. 6).

Четкое представление о сущности публичного интереса при реализации принципа языка уголовного судопроизводства позволит оценить, какие все же требования должны предъявляться к переводчику и кто может выступать в качестве такового?

Как представляется, законодатель не случайно отказался от закрепления в ст. 59 УПК РФ конкретных требований, предъявляемых к переводчику. На основании ч. 1 ст. 59 УПК «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

При этом, в соответствии с ч. 2 ст. 169 УПК РФ следователь, привлекая переводчика к участию в производстве по уголовному делу, должен удостовериться в его компетентности.

Так, О.Ю. Кузнецовым предлагаются следующие требования, определяющие компетентность переводчика:

– одинаковая этническая принадлежность с лицом, которому он назначен оказывать помощь в языке судопроизводства, выраженная в форме добровольной национально-языковой самоидентификации;

– воспитание или получение общего среднего образования в одной с участником процесса, не владеющим языком судопроизводства, этнолингвистической среде (проживание в детстве в местности, где язык перевода является основным языком повседневного общения и, желательно, обучения);

– наличие высшего профессионального образования, полученного в Российской Федерации или на русском языке в одной из республик бывшего Союза ССР (до 1991 г.);

– постоянное проживание на территории России в течение значительного периода времени (желательно, более 10 лет) и наличие

---

¹ Совет Европы и Россия. Сб. док. М., 2004. С. 676–679.

опыта публичной или социально ориентированной профессиональной деятельности[1, с. 60–61].

А.Ю. Мищенко предлагает «в роли переводчика по уголовному делу допускать лицо, имеющее высшее профессиональное либо дополнительное профессиональное образование соответствующего профиля, а равно получившее сертификат о знании иностранного языка на уровне, признанном достаточным для осуществления свободного перевода, имеющее опыт работы в качестве переводчика не менее двух лет»[2, с. 244]. И.И. Бунова к этому добавляет, что «переводчик должен знать и уметь переводить не только обычную разговорную речь, но и тексты с учетом их специальной терминологии»[3, с. 206].

В этой связи в одном из последних комментариев к УПК РФ высказана следующая мысль: «Поскольку законодательного закрепления категории “свободное владение языком” нет, целесообразно ориентироваться на профессиональные компетенции, устанавливаемые для лингвистов в сфере высшего образования (п. 5.3 Приказа Минобрнауки России от 07 августа 2014 г. № 940 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 “Лингвистика” (уровень бакалавриата)»)). Между тем, среди таких компетенций в Приказе предусмотрены следующие «идеалистические» и слабовыполнимые в реальной жизни требования к переводчику:

- способность осуществлять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста (ПК-12);

- владение методами формального и когнитивного моделирования естественного языка и методами создания метаязыков (ПК-20);

- способность использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач (ПК-23)¹.

Учитывая перечисленные выше компетенции переводчика, можно согласиться с мнением Л.Б. Обидиной о том, что «возложение

---

¹www.rg.ru/dok/1075684

на следователя и судью обязанности проверять компетентность переводчика лишено смысла и в реальности невыполнимо»[4, с. 155].

Как представляется, абсолютно различна по своей выполнимости задача подобрать переводчика, соответствующего вышеперечисленным требованиям, например, в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске или даже в Иркутске и задача подобрать хотя бы любого переводчика в Кызыле, Анадыре, Тобольске, где даже нет института иностранных языков.

К счастью, законодатель в тексте уголовно-процессуального закона не сформулировал идеалистические требования к переводчику, предлагаемые в науке. По этой причине на практике достаточно эффективно в качестве переводчиков по уголовным делам в сельской местности выступали продавцы с национальных рынков, не имеющие высшего образования, но несколько лет проработавшие в России[5, с. 319].

С другой стороны, различна по своему содержанию и процессуальным последствиям деятельность переводчика при осуществлении устного и при осуществлении письменного перевода. Если точность и полноту устного перевода процессуально проверить достаточно сложно (на практике это возможно только, если в ходе следственного действия, на котором переводчик осуществлял устный перевод, осуществлялась аудио- или видеозапись), то недостатки письменного перевода могут быть выявлены с большей степенью вероятности.

Так, статистические данные, обобщенные Кызылским городским судом Республики Тыва¹, свидетельствуют о том, что за 2014 год, в Кызылский городской суд поступило 1003 уголовных дела, что на 57 дел больше, чем в 2013 году – в указанный период поступило 946 уголовных дел, или больше на 6%. Возвращено прокурору 69 уголовных дел, что осталось на уровне 2013 года – в 2013 году было возвращено прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ 67 уголовных дел. В большинстве случаев причиной возвращения дела прокурору явились составление обвинительного заключения с нарушением уголовно-процессуального закона, несоответствие перевода обвинительного заключения его оригиналу.

---

¹Обобщение работы суда по итогам 2014 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kizilskiy-g.tva.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&d_id=79. Дата обращения: 11.02.2016 г.

В 2014 году в апелляционную инстанцию Верховного Суда Республики Тыва направлено 254 уголовных дела и выделенных материалов. Снято с апелляционного рассмотрения 3 уголовных дела, в 2013 году было снято 10 уголовных дел. Например, Постановлением от 19 сентября 2014 года снято с апелляционного рассмотрения уголовное дело в отношении М. по причине несоответствия перевода приговора тексту его оригинала.

По итогам обсуждения указанных постановлений судьям и работникам аппарата суда указано на необходимость более тщательной проверки переводов на предмет их соответствия оригиналу вынесенного приговора.

Особого внимания заслуживает проблема длительного оформления уголовных дел в апелляционную инстанцию по причинам, связанным с организацией перевода процессуальных документов. В частности, в Кызылский городской суд поступило письмо судьи Верховного Суда Республики Тыва о допущенных нарушениях, выразившихся в несвоевременном вручении осужденному Ю. письменного перевода приговора, длительного оформления уголовного дела в апелляционную инстанцию. Указанные нарушения в свою очередь повлекли нарушение другого принципа уголовного судопроизводства, а именно ограничили право осужденного на рассмотрение его дела в разумный срок.

Также в суд поступило обращение заместителя председателя Верховного Суда Республики Тыва Егорова А.А. с указанием на нарушения, допущенные при вручении перевода приговора на тувинский язык осужденному С. – перевод им был получен по истечении более чем полутора месяцев со дня провозглашения приговора.

Из вышеизложенных примеров отчетливо видна острота не только процессуальных, но и организационных аспектов участия переводчика в уголовном судопроизводстве. С учетом сложившейся практики представляется оправданным сделать следующее предложение: так как в республиках, входящих в состав Российской Федерации, наиболее востребованным для перевода по уголовным делам является национальный язык данной республики, которым владеет большая часть населения республики, в таких республиках представляется целесообразным создание на базе Судебного департамента структурных подразделений со штатными переводчиками с национального языка. Думается, что содержать в штате переводчиков с иных языков экономически не оправданно, так как востребованность

их привлечения к участию по уголовным (или даже гражданским и административным) делам спрогнозировать невозможно.

Довольно часто на практике встречаются ошибки при фиксации тех или иных фактов в протоколах следственных действий, к которым наиболее часто относятся допросы и очные ставки. Это происходит не только по вине недобросовестных следователей, которые готовы любыми путями достигнуть желаемого результата, но и в следствие иных ошибок (описок, опечаток и т. д.). Поэтому право переводчика и иных участников судопроизводства знакомиться с протоколами следственных действий является необходимым правом предоставленным законом.

Показателен в этом отношении приводимый в научной литературе пример об участии переводчика по уголовному делу делу № 1-88/09 в отношении М.Б. Ходорковского. В материалах уголовного дела переводчик Зуева А.Н. допустила следующую ошибку: «триста шестьдесят восемь миллионов российских рублей («RUR 368.000.000,00») после произведенного ей перевода превратились в триста шестьдесят восемь миллионов долларов США («\$368 000 000.00») – т. 149, л.д. 331–334»[6, с. 695]. Очевидно, что подобная ошибка переводчика не просто искажает объективную реальность, но и влияет на объем обвинения.

В этой связи представляется целесообразным поддержать следующее высказанное Е.А. Богачевской и А.В. Киселевым предложение: «рекомендуем следователям применять при производстве следственных и процессуальных действий с участием переводчика аудио или видеозапись. Это, во-первых, окажет дисциплинирующее воздействие на участников следственного действия и, во-вторых, предоставит следователю возможность при наличии сомнений проверить качество и правильность перевода и, в случае необходимости, использовать фонограммы в доказывании фактов заведомо неправильного перевода»[7, с. 38].

На современном этапе развития научно-технического прогресса более чем актуальным является вопрос о возможности использования в уголовном судопроизводстве электронного (автоматического) перевода.

Как отмечается в научной литературе, «обзор практики деятельности полиции США показывает, что подозреваемых иногда приходится освобождать из-за того, что они не могут понять зачитанные по-английски права арестованного, поскольку владеют только испан-

ским или японским языком. Чтобы преодолеть языковой барьер, для правоохранительных и исправительных органов разрабатываются различные технологии перевода устной речи, которые успешно испытываются полицейскими агентствами на местах и заключаются в следующем: в компьютер с помощью микрофона вводится голосовая информация на определенном языке. Компьютер в свою очередь переводит введенную речь на другой язык и затем «произносит» ее»[8, с. 17].

В 2015 году в номере 1 (7) журнала «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения» нами уже рассматривалось одно из устройств мгновенного электронного перевода – голосовой переводчик BRM Electronics STX6 MULTI elite, способный переводить речь с русского на 50 иностранных языков и обратно без подключения к сети «Интернет», а с подключением к сети «Интернет» – на 100 языков. Однако, учитывая его высокую стоимость (на тот момент – около 30 000 рублей), говорить о его широком применении в судебно-следственной работе было невозможно[9, с. 37].

В настоящее время научно-технический прогресс шагнул еще дальше, и функция электронного перевода стала доступна всем пользователям смартфонов. Например, для пользователей смартфонов на базе операционной системы Android компания Google разработала программу «Переводчик» (актуальная версия 4.4)¹, которая способна осуществлять мгновенный перевод на русский язык с 90 языков мира, в том числе, для 40 языков поддерживается функция автоматического голосового перевода «из речи в речь» без доступа к сети «Интернет» (языковые пакеты устанавливаются в память смартфона). Среди таких языков, кроме большинства европейских, много азиатских и редких языков: албанский, арабский, африкаанс, бенгальский, бирманский, вьетнамский, галисийский, зулу, иврит, игбо, идиш, индонезийский, йоруба, китайский, креольский (Гаити), кхмерский, лаосский, латынь, македонский, малагасийский, малайский, монгольский, персидский, сомали, суахили, суданский, тайский, турецкий, финский, хинди, хмонг, чева, эсперанто, яванский, японский. Для 26 языков доступна функция мгновенного перевода на русский язык текста, сфотографированного на фотокамеру смартфона. Главное достоинство данной программы, что она является абсолютно бесплатной.

---

¹<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.google.android.apps.translate&hl=ru>

Для пользователей смартфонов iPhone компания Apalon разработала приложение под названием «Speakandtranslate» («Говори и переводи»)¹, способное распознавать и осуществлять перевод на русский язык со 100 языков мира, в том числе, для 42 языков поддерживается функция автоматического голосового перевода «из речи в речь». Однако пока данная программа может осуществлять такой перевод только при условии постоянного доступа к сети «Интернет».

Конечно же, трудно спорить с утверждением о том, что «на сегодняшний день ни один онлайн-переводчик, ни одна специальная программа, обеспечивающая как устный, так и письменный перевод, не способна заменить переводчика, выступающего информационно-коммуникационным посредником различных культур, общественных и правовых систем»[6, с. 694]. Действительно, искусственный разум еще не изобретен, но и высококвалифицированных переводчиков, чья профессиональная компетентность не вызывает сомнения, гораздо меньше, чем уголовных дел, по которым требуется помощь данного участника.

Вот почему представляется возможным «из двух зол выбирать меньшее»: электронный (автоматический) перевод может и должен использоваться в тех исключительных ситуациях, когда у следователя, дознавателя нет возможности обеспечить участие «живого» переводчика, свободно владеющего соответствующим языком, в разумный срок (процессуальный аналог ситуации, не терпящей отлагательства). Обязательным условием для использования электронного (автоматического) перевода должно являться применение в ходе соответствующего следственного или иного процессуального действия аудио- или видеозаписи, позволяющей фиксировать как содержание речи на том языке, с которого осуществляется электронный (автоматический) перевод, так и содержание самого перевода.

В любом случае электронный (автоматический) перевод следует рассматривать как минимальную гарантию, обеспечивающую реализацию права пользоваться помощью переводчика. При обоснованном возражении участника уголовного судопроизводства на использование электронного (автоматического) перевода в следственном или ином процессуальном действии, связанном с тем, что такой участник не понимает речь, формируемую электронным (автоматическим) переводчиком, его дальнейшее использование подлежит прекращению

---

¹ http://www.apalon.com/speak_and_translate.html#

и для дальнейшего перевода должен быть приглашен переводчик-человек.

В пользу возможности использования электронного (автоматического) перевода свидетельствует тот факт, что «несмотря на постоянное пристальное внимание международного сообщества к соблюдению прав человека в нашей стране, в отношении России никогда не выносилось решение ЕСПЧ по фактам имеющих место быть нарушений прав субъектов судопроизводства на национально-языковую самобытность и самоидентификацию при осуществлении в отношении их следственного или судебного разбирательства»[1, с. 36]. Хотелось бы надеяться, что использование электронного (автоматического) перевода не только облегчит задачу следователя, дознавателя и суда по реализации принципа языка уголовного судопроизводства, но и не станет причиной для обращения участников уголовного судопроизводства в ЕСПЧ по основанию нарушения права пользоваться помощью переводчика.

Подводя итог всему вышеизложенному, справедливым будет являться общий вывод о том, что представление о компетентности переводчика с позиции процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства, не владеющих либо недостаточно владеющих языком уголовного судопроизводства, а также с позиции субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу, может различаться. Публичный интерес при реализации принципа языка уголовного судопроизводства заключается в том, чтобы обеспечить на уровне символической системы представления информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию или имеющих значение по уголовному делу, единообразное ее понимание всеми участниками уголовного судопроизводства. Как представляется, реализация данного интереса государством не в полной мере зависит от компетентности переводчика. Допускаемые переводчиками при участии в уголовном судопроизводстве ошибки часто обусловлены их невнимательностью, усталостью, небрежностью, спешкой и другими человеческими факторами. В этом отношении применение электронного (автоматического) перевода исключает подобные ошибки, осуществляя «буквальный» перевод речи или текста (в чем его достоинство и недостаток одновременно). Перспективы развития электронного (автоматического) перевода в уголовном судопроизводстве всецело зависят исключительно от смысловой и контекстной точности перевода, осуществляемого программой на основе алгоритмов искусствен-

ного интеллекта, создание которого прогнозируется в 2016 году¹. Возможно, в недалеком будущем из уголовного судопроизводства будет исключен такой участник, как переводчик, а его процессуальную функцию начнет выполнять персональный компьютер или смартфон.

Список использованной литературы

1. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.
2. Мищенко А.Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 244–246.
3. Бунова И.И. Некомпетентность переводчика как основание его отвода от участия в уголовном производстве // Общество и право. 2010. № 3. С. 205–208.
4. Обидина Л.Б. Участие переводчика в проверке сообщения о преступлении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 152–158.
5. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова. М.: Юрлитинформ, 2015. 384 с.
6. Гуськова А.В. Культура переводчика и техника юридического перевода в рамках уголовного судопроизводства: проверка гипотез и постановка проблем // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 694–697.
7. Богачевская Е.А., Киселев А.В. К вопросу об участии переводчика при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 36–40.
8. Копылова О.П., Курсаев А.В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 76 с.
9. Мазюк Р.В. Перевод на язык уголовного судопроизводства как средство защиты прав и процессуальных интересов его участни-

---

¹2016 – год искусственного интеллекта // Режим доступа: <http://freelance.today/trendy/2016-god-iskusstvennogo-intellekta.html>. Дата обращения: 30.03.2016 г.

ков // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7). С. 27–40.

Информация об авторах

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: marova@mail.ru.

Куулар Юлия Цеденбаловна – магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kuularyuliya@mail.ru.

Information about the authors

Maziuk Roman Vasilyevich – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University. 664003 Irkutsk, Lenin str., 11,. E-mail: marova@mail.ru.

KuularYuliyaTsedenbalovna – magister student of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University. 664003 Irkutsk, Lenin str., 11. E-mail: kuularyuliya@mail.ru.

УДК 343.13

Т.К. Рябинина

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Статья посвящена основным положениям, раскрывающим содержание принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в уголовном судопроизводстве, а также особенностям реализации настоящего принципа в стадии назначения судебного заседания, связанным с вопросами обеспечения судом участия конкретного защитника и порядка отказа обвиняемого от защитника,

разъяснением обвиняемому прав, которыми он наделяется как в стадии назначения судебного заседания, так и в следующей стадии.

Ключевые слова: обеспечение права на защиту, обвиняемый, стадия назначения судебного заседания.

T.K. Ryabinina

THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ENSURING THE ACCUSED THE RIGHT TO DEFENSE IN STAGE THE PURPOSE OF THE HEARING

The article is devoted to the main provisions, revealing the co-holding the principle of ensuring the suspect and the accused the right to defense in criminal proceedings, and especially professions in the implementation of this principle in the stage the purpose of the hearing related to the provision of court participation specific defender and order of refusal from the defender, explained to the accused the rights that he has in the stage the purpose of the hearing, and in the next stage.

Keywords: ensuring the right to defense, the accused, the stage the purpose of the hearing.

Немаловажную роль в характеристике российского уголовного судопроизводства с точки зрения соответствия его общепризнанным принципам и нормам международного права [1, с. 241; 2, с. 50], общечеловеческим принципам, нравственным нормам [3, с. 37], то есть в целом его демократической сущности играет принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ), неразрывно связанный с принципом состязательности, а также принципом презумпции невиновности, которые в системе стимулируют достижение всесторонности, объективности, полноты и справедливости отправления правосудия по уголовным делам [4, с. 5-8; 5, с. 76]. Настоящий принцип, имея правовую основу в Конституции РФ (ст. 48), а также в международно-правовых актах, в первую очередь в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (подп. «с» п. 3 ст. 6) предусматривает, во-первых, право обвиняемого (подозреваемого) как лично, так и с помощью защитника или законного представителя защищаться от предъявленного обвинения или имеющегося подозрения всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами и средствами, а также получать

квалифицированную юридическую помощь в ходе осуществления в отношении него уголовного преследования, а, во-вторых, корреспондируемую данному праву обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя по обеспечению, то есть созданию реальных условий для возможности осуществлять предоставленное обвиняемому (подозреваемому) право на защиту [6, с. 151].

В содержание принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту включаются важные правовые положения, предусматривающие:

- наличие широкого комплекса прав, предоставленных подозреваемому и обвиняемому для осуществления своей защиты (ст.ст. 46, 47, ч. 2 ст. 86, ч. 3 ст. 101, ч. 1 ст. 119, ч. 1 и 2 ст. 123, 217, ч. 3 ст. 227 и др. УПК РФ);

- обязанность соответствующих лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, разъяснить подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечить им возможность воспользоваться ими, что означает:

- обязанность обеспечить участие в деле защитника (а в случаях, предусмотренных законом – и законного представителя), в том числе обеспечить в необходимых случаях возможность для обвиняемого (подозреваемого) пользоваться услугами защитника бесплатно; обеспечить возможность для обвиняемого (подозреваемого) право свободного выбора защитника и право отказаться от помощи защитника и, напротив – в необходимых случаях обеспечить обязательное участие защитника, даже в случае отказа обвиняемого (подозреваемого) от его помощи; обеспечить право каждого обвиняемого (подозреваемого) на конфиденциальные встречи с защитником без ограничения их количества и продолжительности; обеспечить участие защитника в определенных процессуальных действиях;

- в случае самостоятельного осуществления подозреваемым и обвиняемым своей защиты на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, ложится еще большая ответственность за создание обвиняемому (подозреваемому) условий по использованию предоставленных им прав – по заявлению ходатайств, обжалованию незаконных решений и действий должностных лиц, представлению доказательств, участию в следственных действиях, ознакомлению с материалами уголовного дела, участию в судебных заседаниях и пр.

Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 30 июня 2015 г., посвященного настоящему принципу, процессуальные права обвиняемого не могут быть ограничены в связи с участием в деле его защитника и (или) законного представителя (п. 2)¹. Этому важному положению находим подтверждение и в правоприменительной практике, и в теории [7, с. 26; 8, с. 115-120].

В стадии назначения судебного заседания судья, приступив к изучению материалов уголовного дела с учетом вопросов, подлежащих выяснению перед тем, как принять решение о дальнейшем движении уголовного дела, в целях реализации принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту наряду с другими вопросами обязан выяснить вопрос, участвует ли в деле защитник, нет ли заявления обвиняемого об отказе от его услуг и если в материалах дела не имеется сведений об участии защитника и обвиняемый не отказался от его участия, судья, принимая решение о назначении судебного заседания или назначении предварительного слушания, в постановлении должен предусмотреть пункт о вызове в судебное заседание защитника (в случаях, предусмотренных пунктами 2-7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, назначение защитника обязательно, даже если обвиняемый отказался от его услуг).

Кроме того, как уже отмечалось ранее, современное правовое регулирование настоящей стадии процесса характеризуется существенным расширением прав, предоставленных сторонам, в первую очередь обвиняемому, для отстаивания своих интересов на данном этапе судопроизводства, обязанность обеспечения которых ложится на суд. Так, еще при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия обвиняемый вправе заявить ходатайство о выборе определенной судебной процедуры – о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, о рассмотрении дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, о применении особого порядка судебного разбирательства, а также о проведении предварительных слушаний (ч. 5 ст. 217 УПК РФ), что обязывает судью при получении уголовного дела от прокурора принять соответствующие меры по организации выбранного обвиняемым порядка судебного разбирательства, а также назначению предварительного слушания.

---

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // СПС Консультант Плюс. По сост. на 01.03.2016.

В соответствии с частью 3 ст. 227 УПК РФ обвиняемый вправе заявить ходатайство о дополнительном ознакомлении с материалами уголовного дела, которое суд обязан разрешить.

Дополнительными правами обвиняемый пользуется при решении судьей вопроса о мере пресечения, прежде всего в судебном заседании, на котором решается вопрос о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста, а также об избрании меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу.

Целый комплекс прав предусмотрен для обвиняемого на предварительном слушании, когда решаются вопросы об исключении недопустимых доказательств, о прекращении или приостановлении производства по уголовному делу, о возвращении уголовного дела прокурору и др., и обвиняемый вправе участвовать в их обсуждении, высказывать свое мнение, обжаловать принятые решения.

Для обеспечения активного и эффективного участия обвиняемого в стадии назначения судебного заседания ему гарантируется вручение копий выносимых судьей решений (ч. 4 ст. 227, ч. 4 ст. 239 УПК РФ).

И уже при назначении судебного разбирательства судья, с учетом ходатайств обвиняемого, в постановлении указывает, какой состав суда будет рассматривать уголовное дело; в закрытом или открытом судебном заседании будет осуществляться рассмотрение дела; уточняет список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ч. 2 ст. 231 УПК РФ).

Рассмотрев основные вопросы, касающиеся правового регулирования и практической реализации принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, следует резюмировать, что данный принцип действует во всех стадиях уголовного процесса и его нарушение на любом этапе судопроизводства влечет отмену вынесенного по делу приговора.

Принципиальных особенностей действия настоящего принципа в стадии назначения судебного заседания фактически не имеется, что усматривается и из разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г., не выделяющих таких особенностей. Лишь несколько аспектов, касающихся настоящей стадии процесса, отмечает Пленум. Во-первых, это то, что предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенно-

стей различных форм судопроизводства (п. 3). Во-вторых, Пленум дает важное разъяснение о том, что если обвиняемый, заявляя ходатайство о заочном рассмотрении дела (ст. 247 УПК РФ), ссылается на обстоятельства, которые препятствуют его участию в судебном разбирательстве, то суд вправе признать данное ходатайство вынужденным, отказать в его удовлетворении и назначить судебное заседание с участием обвиняемого либо, при наличии к тому оснований, приостановить производство по делу (п. 7).

Вместе с тем, на наш взгляд, некоторые вопросы, затрагиваемые данным постановлением Пленума и в основном посвященные обеспечению права на защиту в стадии судебного разбирательства, следовало бы рассмотреть также применительно к стадии назначения судебного заседания. Например, в постановлении Пленума обращено внимание на обеспечение судом первой инстанции участия обвиняемых, содержащихся под стражей, в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи, что прямо предусмотрено частью 6.1 ст. 241 УПК РФ (п. 4). Что же касается участия обвиняемого, содержащегося под стражей, в предварительном слушании, то ни закон, ни Пленум Верховного Суда РФ по этому поводу никаких установок и рекомендаций не дают.

Довольно подробно в постановлении Пленума разъясняются вопросы обеспечения судом участия конкретного защитника и порядка отказа обвиняемого от защитника, но также только в суде первой инстанции. На наш взгляд, следующие рекомендации необходимо распространить и на стадию назначения судебного заседания: - при разрешении заявления обвиняемого об отказе от защитника суду надлежит иметь в виду, что нежелание обвиняемого пользоваться помощью защитника должно быть выражено явно и недвусмысленно; - в суде отказ от защитника может быть принят при условии, если участие защитника в судебном заседании фактически обеспечено судом; - заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника, предусмотренный статьей 52 УПК РФ; - в случае, если суд принял отказ обвиняемого от защитника, решение об этом должно быть мотивированным (п. 13); - исходя из положений части 2 статьи 50, пункта 1 части 1 и части 3 статьи 51 и статьи 52 УПК РФ в их взаимосвязи суд принимает меры по назначению защитника во

всех случаях, когда обвиняемый в судебном разбирательстве не воспользовался своим правом на приглашение защитника и при этом не заявил в установленном порядке об отказе от защитника либо такой отказ не был принят судом. При этом следует иметь в виду, что закон не предусматривает права обвиняемого выбирать конкретного адвоката, который должен быть назначен для осуществления его защиты (п. 14).

Важное положение, относящееся ко всем судебным стадиям, содержится в постановлении Пленума об обязанности судов реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту. При наличии к тому оснований суд, в частности, вправе признать полученные доказательства недопустимыми (статья 75 УПК РФ), вернуть уголовное дело прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ (часть 3 статьи 389.22, часть 3 статьи 401.15 УПК РФ), изменить или отменить судебное решение (статья 389.17, часть 1 статьи 401.15 УПК РФ) и (или) вынести частное определение (постановление), в котором обратить внимание органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда на факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер (часть 4 статьи 29 УПК РФ). Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц (п. 18).

Тем самым, принцип обеспечения права на защиту, действие которого в полной мере проявляется в стадии назначения судебного заседания, тем не менее, требует дальнейшего правового урегулирования в целях реализации всех тех положений, характеризующих его как одну из гарантий правового положения обвиняемого и осуществления демократического, справедливого правосудия, поскольку таковой может считаться только та судебная деятельность, которая предоставляет обвиняемому не только равные со стороны обвинения права в отстаивании своей позиции и своих интересов, но и создает для использования этих прав реальные возможности [9, с. 48-52].

Решая задачу создания эффективных условий для рассмотрения уголовного дела по существу в стадии судебного разбирательства, суд в стадии назначения судебного заседания обязан принять все необходимые меры по тщательной проверке материалов поступившего в суд уголовного дела с целью выявления любых нарушений закона, допущенных на предыдущих этапах судопроизводства, в том числе и настоящего принципа, их устранения и самое главное – суд обязан «вооружить» обвиняемого знаниями о тех средствах по своей защите, которыми он вправе воспользоваться в настоящей и последующей стадиях процесса, разрешить все ходатайства и заявления, поступившие от стороны защиты, обусловленные ее функциональными интересами.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1008 с.

2. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 287 с.

3. Рябинина Т.К. Нравственные начала уголовного процесса: учебное пособие; Курск. гос. техн. ун-т, 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2007. 440 с.

4. Козьявин А.А., Цуканова Е.С. Всесторонность, полнота и объективность как системообразующий аксиологический принцип отправления правосудия и его место в уголовно-процессуальной форме // Российский следователь. 2011. № 8. С. 5–8.

5. Уголовный процесс: учебник / коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. 656 с.

6. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 168 с.

7. Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. 43 с.

8. Ревина И.В. Проблема отказа от защиты: правовой и нравственный аспект // Адвокатура. Государство. Общество: сборник ма-

териалов V ежегодной научно-практической конференции. М., 2008. С. 115-120.

9. Рябинина Т.К., Козьявин А.А., Шинкевич А.М. Общие проблемы уголовного судопроизводства: монография. Старый Оскол: ТНТ, 2011. 136 с.

Информация об авторе

Рябинина Татьяна Кимовна – кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru.

Information about the author

Ryabinina Tatyana Kimovna – candidate of legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, head of kafedral criminal process and criminalistics Southwest State University, 305040, Kursk, street 50 years of October, 94, e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru.

УДК 343.263.2

Т.А. Савчук

ПРАВОВЫЕ ДЕФЕКТЫ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ДОМАШНИЙ АРЕСТ

В статье проводится сравнительный анализ положений уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, регламентирующих применение меры пресечения в виде домашнего ареста, раскрывается сходство и различие в правовой интерпретации сущности домашнего ареста и условий его избрания к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений. Формулируются выводы и предложения, направленные на устранение правовых дефектов и пробелов норм уголовно-процессуального законодательства названных государств.

Ключевые слова: домашний арест, изоляция лица от общества, мера пресечения, правоограничения.

**LEGAL DEFECTS RULES OF CRIMINAL PROCEDURE
LEGISLATION BELARUS AND RUSSIA REGULATING
HOUSE ARREST**

The article presents a comparative analysis of the provisions of the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation, regulating the use of a preventive measure in the form of house arrest, revealed similarities and differences in the legal interpretation of the essence of house arrest and the conditions of his election to persons suspected or accused of committing crimes. Formulated conclusions and proposals aimed at the removal of legal defects and gaps of criminal procedural legislation of the said State.

Keywords: house arrest, isolation of the person from society, measure of restraint, right restrictions.

Возрождение домашнего ареста как меры пресечения на постсоветском пространстве наблюдается к началу XXI в. Появление домашнего ареста в законодательстве молодых независимых государств отражает их стремление заимствовать положительный дореволюционный и зарубежный опыт использования данной меры пресечения, способствовать гуманизации уголовного процесса и приведению его в соответствие с международно-правовыми стандартами. Переняв многие положения о домашнем аресте из Модельного УПК для государств-участников СНГ, законодательство Беларуси и России трактуют сущность домашнего ареста по-разному.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого (далее по тексту – обвиняемый, если не указано иное) в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля. По прямому указанию ч. 1 ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) домашний арест заключается в изоляции обвиняемого от общества без содержания его под стражей, но с применением правоограничений,

определенных уполномоченными должностными лицами. Такой подход является юридически некорректным, поскольку белорусский законодатель выражает сущность домашнего ареста через сравнение его с другой мерой пресечения, тем самым подчеркивая их общность и единственное отличие – при домашнем аресте лицо не помещается в места содержания под стражей. Исследование правовой природы домашнего ареста приводит к выводу, что эта мера пресечения, как и заключение под стражу, подразумевает изоляцию обвиняемого от общества, однако степень и характер такой изоляции различен. Домашний арест заключается в полной или частичной изоляции лица от общества посредством обязательного установления запрета выхода из жилища (круглосуточно или в определенное время), и в отличие от заключения под стражу позволяет обеспечить надлежащее поведение лица в ходе производства по уголовному делу без помещения его в следственный изолятор. Поэтому позиция российского законодателя в части определения сущности домашнего ареста как полной или частичной изоляции лица от общества является наиболее правильной.

Местом отбывания домашнего ареста по УПК РБ является жилище (п. 1 ч. 2 ст. 125), а по УПК РФ – жилое помещение, в котором обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, лечебное учреждение (ч. 1 ст. 107). Однако общая трактовка понятия «жилище» в белорусском законодательстве не в полной мере отвечает целям домашнего ареста, а определение места отбывания данной меры пресечения в российском законодательстве несколько уязвимо.

Так, понятие «жилище» сформулировано в п. 6 ст. 6 УПК РБ, под которым понимают «помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т.п.), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо для удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т.п.)». Однако очевидно, что это определение не может в полной мере использоваться для домашнего ареста, поскольку вторая его часть включает объекты, непригодные для отбывания домашнего ареста. Ведь жилище должно соответствовать общепринятым и приемлемым требованиям комфорта и безопасности для жизни и здоровья человека, а также обеспечивать реализацию комплекса хозяйственно-бытовых потребностей людей.

Разделяя позицию российского законодателя, К.С. Абдырахманов [1, с. 11] и В.А. Светочев [2, с. 9], предлагают под местом отбывания домашнего ареста понимать жилое помещение или строение, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное и пригодное для временного проживания. Однако помещение – это внутренняя часть любого здания, как жилого, так и нежилого. Например, по жилищному законодательству Беларуси помещениями, предназначенными для проживания, являются общежития, специальные жилые помещения в учреждениях социального обслуживания (дома-интернаты для престарелых и инвалидов, детей-инвалидов, специальные дома для ветеранов, инвалидов и престарелых), детских домах семейного типа, детских интернатных учреждениях и другие жилые помещения. Считаем, что предложенные определения жилища не могут применяться при домашнем аресте, поскольку в одних случаях названные помещения не предназначены и не приспособлены для проживания, а в других – отсутствует обязательный признак для их признания жилищем: возможность осуществления семейно-бытовой деятельности человека.

В юридической литературе в качестве мест отбывания домашнего ареста предлагается использовать арестные дома [3, с. 17], санаторий, дом отдыха, гостиницу [4, с. 12], каюту, речное или морское судно в условиях плавания [5, с. 15], места, связанные с осуществлением профессиональной деятельности лица (зимовки, сезонные полевые базы) [6]. Полагаем, что такие места не пригодны для нахождения под домашним арестом. Исходя из сущности данной меры пресечения – «домашней изоляции» лица и этимологического значения термина «домашний» («относящийся к дому»), местом отбывания домашнего ареста следует считать дом (квартиру) обвиняемого, в котором он преимущественно (временно) или постоянно проживает. Если он нуждается в санаторном или медицинском лечении, то применение домашнего ареста представляется нецелесообразным – лучше применить иную, более мягкую меру пресечения. В связи с тем, что период нахождения в таком учреждении ограничен во времени, за обвиняемым потребуется осуществление усиленного контроля со стороны надзирающего должностного лица, особенно если это учреждение расположено в другом населенном пункте. Поэтому представляются спорными положения ч. 1 и ч. 11 ст. 107 УПК РФ, определяющие местом отбывания домашнего ареста лечебное учреждение (его терри-

торию) и позиция Т.Н. Долгих [7, с. 17] и С.В. Колосковой [8], разделяющих данное законодательное установление. Очевидно, что, согласно трактовке места отбывания домашнего ареста, ни лечебное учреждение, ни его территория, не могут быть таковыми, поскольку они не предназначены для проживания и не отвечают требованиям жилища.

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что местом отбывания домашнего ареста может быть жилище, пригодное для исполнения этой меры пресечения, под которым следует понимать жилое помещение, предназначенное и пригодное для постоянного или временного проживания граждан (дом, квартира), занимаемое обвиняемым на праве собственности, по договору найма или аренды либо предоставляемое ему близкими родственниками и иными лицами с их согласия, которое должно отвечать установленным жилищным законодательством требованиям.

Представляется, что содержание обвиняемого под домашним арестом в жилище, где совместно с ним проживают другие совершеннолетние лица, допустимо лишь в случае принятия указанными лицами обязательства о соблюдении правил поведения, установленных для них органом, ведущим уголовный процесс. Поскольку, находясь под домашним арестом, обвиняемый не изолируется от таких лиц, то такое обязательство поможет выполнить установленный для обвиняемого запрет общаться с определенными лицами, в том числе принимать кого-либо по месту жительства. В этом случае у совместно проживающих с обвиняемым совершеннолетних лиц отбираются письменные обязательства по соблюдению данного запрета, который предписывает им воздерживаться от приема в своем жилище каких-либо лиц, в том числе тех, общение с которыми обвиняемому запрещено. Кроме того, при установлении для обвиняемого запрета покидать жилище круглосуточно совместно проживающие с ним лица могут оказать ему помощь в решении ряда вопросов его жизнеобеспечения (приобретение продуктов питания, предметов первой необходимости, оплата коммунальных услуг и т.д.). Разделяя мнение Р.З. Шамсутдиновой [9, с. 200], считаем особенно важным учитывать мнение владельца жилища, в котором обвиняемый будет содержаться под домашним арестом, так как отсутствие согласия собственника жилища и непринятие на себя указанного обязательства препятствует избранию домашнего ареста.

Отобрание письменного обязательства у названной категории лиц нужно и в случае совершения обвиняемым преступления в семейно-бытовой сфере или другого противоправного деяния, в основе которого лежат неприязненные взаимоотношения либо конфликт между обвиняемым и совместно проживающими с ним лицами. Поэтому получение такого обязательства на применение домашнего ареста, с одной стороны, обусловлено необходимостью соблюдения обвиняемым режима отбывания данной меры пресечения, а с другой – свидетельствует о характере взаимоотношений обвиняемого и совместно проживающих с ним лиц. На наш взгляд, обязательство совместно проживающих с обвиняемым совершеннолетних лиц должно оформляться подпиской, при этом указанные лица должны уведомляться о характере преступления, сущности домашнего ареста и сопровождающих его мерах, а также их ответственности в случае нарушения принятых обязательств – наложение денежного взыскания. Представляется, что дополнение уголовно-процессуального законодательства Беларуси и России нормами подобного содержания устранил пробелы в регламентации домашнего ареста и сделают его применение более эффективным.

Одним из существенных дефектов уголовно-процессуальных норм Беларуси и России, по нашему мнению, является установление одинаковых условий применения домашнего ареста и заключения под стражу: они избираются при совершении обвиняемым преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет (ст. 125 и ст. 126 УПК РБ) и трех лет (ст. 107 и ст. 108 УПК РФ). Законодатель, определяя одинаковые условия избрания домашнего ареста и заключения под стражу, ставит их в один ряд по степени строгости. Но данные меры пресечения имеют существенные различия по месту и режиму изоляции лица от общества и объему ограничения его прав и свобод, поэтому, на наш взгляд, в законодательстве следует определить сферу применения домашнего ареста, отличную от заключения под стражу.

В науке уголовного процесса мнения ученых о том, при совершении каких преступлений может применяться домашний арест, разделились. Например, К.Т. Балтабаев предлагает избирать его к обвиняемым в любых преступлениях, исключая деяния, содержащие особо опасный рецидив [5, с. 24], К.С. Абдырахманов [1, с. 17] и А.Е. Григорьева [10, с. 20] – при любых деяниях, кроме особо тяжких. А.Е. Белоусов указывает на возможность применения домашнего аре-

ста при совершении любого умышленного преступления [11, с. 11], а О.В. Химичева и Ю.Б. Плоткина – умышленного преступления средней тяжести [12, с. 97]. На наш взгляд, нет необходимости указывать в уголовно-процессуальном законодательстве вид и размер наказания за преступления, при совершении которых может применяться домашний арест. Однако при принятии решения о данной мере пресечения необходимо учитывать характер совершенного преступления и личность потерпевшего. В этой связи считаем, что домашний арест не может применяться к обвиняемым в насильственных преступлениях, совершенных в отношении совместно проживающих с ним членов его семьи, близких родственников либо иных лиц, которых он обоснованно считает близкими. Думается, что данное предложение должно стать элементом законодательной конструкции норм УПК РБ и УПК РФ, регламентирующих домашний арест.

Следует отметить, что выполнение обвиняемым режима отбывания домашнего ареста предполагает наличие контролирующих органов, которыми по УПК РБ являются органы дознания, а по УПК РФ – органы исполнения уголовных наказаний. При этом белорусский законодатель не определяет функций органа дознания, позволяющих контролировать изоляцию и поведение обвиняемого во время домашнего ареста, что вызывает трудности в практическом использовании данной меры пресечения. В то же время ст. 107 УПК РФ определяет в качестве контролирующего способа применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, решает вопросы транспортировки обвиняемого в органы предварительного расследования и другие проблемные аспекты, связанные с исполнением домашнего ареста (встречи обвиняемого с защитником; запрет на ограничение этого лица в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации и др.). Отмечая прогрессивность российского законодателя, отметим, что процедура исполнения домашнего ареста включает в себя комплекс мероприятий контролирующего характера, поэтому должна регулироваться не уголовно-процессуальным законом, а специальным правовым актом.

Вышеизложенное приводит к выводу, что действующая нормативная регламентация домашнего ареста в Беларуси и России не создает должных предпосылок для эффективной реализации этой меры пресечения, поскольку закон закрепляет одинаковые условия для до-

машнего ареста и заключения под стражу, игнорирует различия этих мер пресечения, не достаточно четко определяет механизм исполнения домашнего ареста. Думается, что сформулированные авторские предложения помогут устранить пробелы в правовом регулировании порядка избрания и применения домашнего ареста.

Список использованной литературы

1. Абдырахманов К.С. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 22 с.

2. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009. 26 с.

3. Бушная Н.В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 26 с.

4. Быков В.М., Лисков Д.А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. 2004. № 4. С. 12–14.

5. Балтабаев К.Т. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Караганд. юрид. ин-т МВД Респ. Казахстан. Караганда, 2001. 28 с.

6. Баландюк О.В. Исполнение домашнего ареста по УПК РФ и УПК Украины (сравнительно-правовой анализ) [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа : <http://www.corp-lguvd.lg.ua/d130111.html>. Дата доступа : 20.11.2013.

7. Долгих Т.Н. Актуальные вопросы избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста // Российский судья. 2014. № 2. С. 16–19.

8. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.iuaj.net>. Дата доступа : 24.03.2014.

9. Шамсутдинова Р.З. Процессуальные особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестн. Удмурт. ун-та [Электронный ресурс]. 2013. Вып. 2. С. 199–202. Режим доступа :

http://vestnik.udsu.ru/2013/2013-022/vuu_13_022_37.pdf. Дата доступа : 23.11.2013.

10. Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 22 с.

11. Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1995. 18 с.

12. Химичева О.В., Плоткина Ю.Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда. М: Юрлитинформ, 2012. 232 с.

Информация об авторе

Савчук Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, 220007 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17; e-mail: tamerlan75@mail.ru.

Information about the author

Savchuk Tatsiana Anatolievna – candidate of jurisprudence, associate professor of the constitutional and administrative law Academy of management at the President of Republic of Belarus, 220007, Republic of Belarus, Minsk, Moskovskay St. 17; e-mail: tamerlan75@mail.ru.

И.В. Смолькова

САМООГОВОР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО¹

---

¹ Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов теории и практики уголовного судопроизводства – понятие, причины и правовая оценка самооговора как одного из видов показаний обвиняемого, анализируются различные суждения относительно правовых последствий самооговора. Автор придерживается позиции, что самооговор не влечет уголовной ответственности, за исключением случая, когда лицо, взяв на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного.

Ключевые слова: обвиняемый, самооговор, явка с повинной, оговор, уголовная ответственность.

I.V. Smolkova

SELF-INCRIMINATION AS A KIND OF THE TESTIMONY OF THE ACCUSED

The article discusses one of the controversial questions of the theory and practice of criminal proceedings – the concept, causes and legal assessment of self-incrimination as one of the types of evidence the accused, analyzes the various judgments on the legal consequences of self-incrimination. The author believes that the self-incrimination does not entail criminal responsibility, except when the person taking the blame, is serving a sentence for this perpetrator.

Key words: defendant, self-incrimination, confession, slander, criminal liability.

Свидетельство подсудимого является небеспристрастным. Он может быть подвигнут теми или другими событиями своей жизни к тому, чтобы представить обстоятельства дела не в настоящем свете. Он имеет обыкновенно совершенно посторонние цели от тех, которыми задается суд. Он может стараться своим сознанием отстранить подозрение и, следовательно, наказание от других, близких ему лиц; он может, в великодушном порыве, принять на себя чужую вину.

А.Ф. Кони

Право обвиняемого давать по делу любые показания распространяется и на возможность для обвиняемого сообщать за-

ведомо не соответствующие действительности сведения о своей виновности в совершении преступления. Иногда это приобретает характер самоговора, который не такое уж редкое явление в следственно-судебной практике. Самоговор может сыграть роковую роль в судьбе подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, тяжким бременем ложится на правосудие, ставя под сомнение законность и справедливость судебного решения.

Самоговор может быть добровольным и вынужденным, различие между ними состоит в том, что мотивы добровольного самоговора носят личностный, внутренний характер, причинами же вынужденного самоговора является внешнее воздействие на обвиняемого (например, применение к обвиняемому физического или психического насилия).

В реальной жизни причин самоговора великое множество. Л.Е. Владимиров по данному поводу в свое время писал: «История собственного признания в высокой степени любопытна в понимании того великого разнообразия, какое представляют мотивы человеческого поведения», называя в качестве таковых: религиозные, политические, социальные, самопожертвование из-за любви к ближним, к идее, месть, корыстные побуждения и т. д. [1, с. 289, 290].

С.И. Викторский в качестве обстоятельств, вызывающих самоговор, называл такие: «надежда избежать неволи или трудности военной службы, пресыщение жизнью, желание избавить виновного родственника или друга от кары правосудия, отчаяние вследствие сильных, по-видимому, неопровержимых доказательств преступления— все эти и многие другие побуждения нередко служат причинами признаний, ни на чем не основанными» [2, с. 290].

Оригинальные причины самоговора приводил М. Геринг, который считал, что обычно таковыми являются душевные болезни, такие, как меланхолия или другие душевные расстройства, главным образом, истерического характера, другие причины, по его мнению, очень редки: они наблюдаются из хвастливости; чтобы добиться какого-либо приюта; чтобы быть приговоренным к смерти, наконец, под давлением допрашивающего [3, с. 58].

М.А. Чельцов-Бебутов мотивы самоговора делил на альтруистические, жертвенные и эгоистические [4, с. 27–28, 29].

Анализ современной следственно-судебной практики показывает, что самооговор возможен по следующим мотивам: 1) желание уберечь от уголовной ответственности родных и близких, т. е. лиц, чьи интересы для обвиняемого оказываются выше, чем свои собственные; 2) стремление быть осужденным за преступление небольшой или средней тяжести с тем, чтобы избежать ответственности за действительно совершенное тяжкое преступление; 3) намерение выгородить соучастников, приняв их вину на себя, полагая, что мера наказания за совершение преступления одним лицом меньше, чем за совершение преступления группой лиц либо с целью получения материального или иного вознаграждения от соучастников; 4) желание показать себя бывалым, «матерым» преступником, (чаще всего, это свойственно несовершеннолетним правонарушителям); 5) желание попасть в место заключения, чтобы избавиться от алкоголизма, наркомании; 6) желание порвать с преступной средой и таким путем «завязать» с прошлым; 7) желание скорее попасть в место заключения, чтобы получить место проживания и питания (характерно для лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством); 8) страх перед строгим наказанием, которое может быть применено, если не последует признание и чистосердечное раскаяние; 9) ложное чувство товарищества; 10) желание скрыть обстоятельства своей частной жизни; 11) стремление сократить срок следствия и пребывания под стражей в расчете на то, что суд во всем разберется и оправдает невиновного; 12) желание заключить сделку с правосудием, чтобы получить меньшее наказание и т. д.

Причиной самооговора может быть и такая ситуация, когда собранные по делу доказательства создают впечатление виновности у обвиняемого, и он приходит к выводу, что ему лучше признать себя виновным. В одних случаях обвиняемый приходит к такому выводу под влиянием следователя, убеждающего его в том, что он изобличен и его положение безвыходно, в других – под влиянием советов, данных ему близкими родственниками, в-третьих, – самостоятельно.

К сожалению, самооговору способствуют необъективность и предвзятость расследования, поспешное и поверхностное ведение дела, отказ следователя от проверки версий и обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, – все это постепенно подрыв-

вает веру обвиняемого (особенно, если он невиновен) в способность органов расследования правильно разобраться в деле, приводит его в состояние озлобленности, отчаяния, апатии, подавленности и бессилия.

Самооговор может быть вызван незаконными обещаниями следователя снизить меру наказания обвиняемому, если последний признается в совершении преступления и чистосердечно раскается. Известны случаи самооговора, вызванные стремлением ускорить затянувшееся расследование, когда обвиняемый утратил веру в возможность доказать свою правоту и хотел покончить с неопределенностью своего положения, уйти от нравственных и физических страданий.

Кроме того, самооговор может быть вызван внушением одному из соучастников мысли о том, что его роль в совершении преступления второстепенна, а признание поможет ему избежать суровой ответственности, поскольку судом будет учтена его помощь в раскрытии преступления и изобличении остальных соучастников. Слабовольные субъекты могут ложно признать себя виновными в совершении преступления.

По справедливому мнению С.А. Касаткиной, в тех случаях, когда обвиняемый осознанно и добровольно дает изобличающие себя показания, не соответствующие действительности, руководствуясь при этом своими внутренними побуждениями, обуславливающими именно такую позицию по делу, он по своей воле принимает на себя риски, связанные с возможным наступлением уголовной ответственности, при этом обвиняемый исходит из своих личных интересов, и в этом смысле вред его личности причиняется как бы с его собственного согласия [5, с. 110].

По поводу самой сущности самооговора в литературе высказано несколько точек зрения.

М.А. Чельцов-Бебутов называл самооговор «лжеоговором», делая акцент именно на его заведомой ложности [4, с. 49].

Одни авторы относят самооговор к заведомо ложным показаниям. Так, И.Л. Петрухин определял самооговор как «заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого перед органами государственной власти, в которых он признает себя виновным в совершении преступления, хотя в действительности его не совершал» [6, с. 11; 7, с. 63].

Аналогичной позиции в свое время придерживался Пленум Верховного Суда СССР, который в Постановлении от 23 декабря 1988 г. «О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Суда СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» определил самооговор как «заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, которого он в действительности не совершал» [8, с. 12].

Другие авторы считают самооговор одним из видов показаний, а именно: признанием вины. С точки зрения С.А. Касаткиной, самооговор есть добровольное ложное признание вины, при котором обвиняемый понимает и осознает, что сообщаемые им сведения не соответствуют действительности, но он по каким-то причинам, согласующимся с его личными интересами, желает введения правоохранительных органов в заблуждение относительно своей причастности и виновности в совершении преступления [5, с. 107].

Действительно, лицо, оговаривающее себя, делает признание в преступлении, которого он не совершал, но рассматривать самооговор как разновидность признания вины, вряд ли, правильно. Кроме того, слова «ложные показания» употребляются только в УК РФ применительно к уголовной ответственности потерпевших и свидетелей за заведомо ложные показания (ст. 307). Обвиняемый не является субъектом данного преступления, а потому давать заведомо ложные показания он не может, они могут быть не соответствующими объективной действительности, но не ложными. Исходя из принципа обеспечения обвиняемому права на защиту, следует признать, что обвиняемый имеет право сообщить сведения о своей виновности в совершении преступления, заведомо не соответствующие действительности.

Относительно юридической оценки самоговора в литературе также высказаны различные суждения. С точки зрения В. Фельдблюма, самооговор лица, непричастного к совершению преступления, адресованный органам, компетентным возбуждать уголовные дела, но не в связи с производством расследова-

ния, должен рассматриваться как заведомо ложный донос. А добровольная дача ложных самообвиняющих показаний лицом, не причастным к преступлению, в совершении которого оно себя обвиняет, при производстве следственных или судебных действий, по его мнению, должна расцениваться как дача заведомо ложных показаний. Если же самооговор сделан при производстве следственных или судебных действий лицом, причастным к совершению преступления и при этом «принявшим на себя» вину соучастников преступления, к которому он лично не причастен, то, с точки зрения данного автора, оно вообще не подлежит уголовной ответственности [9, с. 19, 20; 10, с. 44, 45].

Ряд авторов полагает, что самооговор должен быть квалифицирован как укрывательство преступления, если он осуществлен с целью дать возможность виновному лицу избежать уголовной ответственности [11, с. 69; 7, с. 63].

Чаще всего такой самооговор совершается с целью спасти родственников (как правило, детей, супругов). Следует заметить, что укрывательство преступлений предполагает физические действия по укрывательству преступника, орудий, средств, следов и предметов преступления. Ложные самообвиняющие показания не являются физическими действиями и потому их нельзя квалифицировать как укрывательство. В настоящее время заранее не обещанное укрывательство влечет уголовную ответственность, только если оно направлено на укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ). Кроме того, в примечании к ст. 316 УК РФ установлено, что лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником.

С учетом изложенного естественно возникает вопрос: возможна ли вообще уголовная ответственность лица, оговаривающего самого себя? Конечно, нет. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос в случае самооговора исключена. Это положение распространяется как на преступление, которое было кем-то совершено на самом деле, так и на вымышленное преступление (когда события преступления вообще не было), так и на «мнимое преступление» (когда событие имело место, но оно не влечет уголовной ответственности).

Самооговор может быть выражен и в ложной явке с повинной. По мнению В. Фельдблюма, ложная явка с повинной должна квалифицироваться как заведомо ложный донос [9, с. 20]. С этим суждением согласиться нельзя, поскольку уголовно-наказуемый донос возможен только в отношении действий другого лица (при оговоре). Словарь В.И. Даля определяет донос как «довод на кого-то, не жалоба на себя, а объявление о каких-либо незаконных поступках другого» [12, с. 1163]. Кроме того, лицо, явившееся с повинной, не предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, поскольку оно не несет уголовную ответственность за достоверность своих показаний.

Практический и научный интерес также представляет вопрос о действиях, близко примыкающих к самооговору: речь идет о случаях, когда лицо в результате того, что взяло на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного. В этом случае опасность действий лица, выдающего себя за настоящего преступника, достаточно велика, поскольку органы правосудия и органы, ведающие исполнением наказания, вводятся в заблуждение, а настоящий преступник уходит от ответственности и наказания. Думается, что такие действия следует рассматривать как укрывательство преступления. Однако уголовной ответственности в данном случае подлежит лишь лицо, которое не принимало никакого участия в совершении самого преступления, поскольку укрывательство своих собственных преступных действий ненаказуемо.

Резюмируя изложенное, необходимо заметить, что, несмотря на то, что самооговор обвиняемого крайне нежелательное явление в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, может привести к осуждению невиновного, тем не менее, уголовной ответственности он не влечет, за исключением случая, когда лицо, взяв на себя чужую вину, отбывает наказание за настоящего виновного.

Список использованной литературы

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Ч. Общая и Особенная. СПб.: Изд-е книжн. маг. «Законоведение», 1910. 391 с.

2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. 448 с.
3. Геринг М. Криминальная психология. М.: Типогр. Администр. отдела М.С. им. М.И. Рогова, 1923. 85 с.
4. Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1947. 52 с.
5. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. М.: Проспект, 2010. 224 с.
6. Петрухин И.Л. Самооговор // Советская юстиция. 1970. № 13. С. 11–13.
7. Кузьмина С.С. Самооговор: правовые и процессуальные аспекты // Изв. вузов. Правоведение. 1989. № 6. С. 62–64.
8. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 1. С. 10–14.
9. Фельдблюм В. Уголовно-правовые последствия самооговора // Советская юстиция. 1973. № 13. С. 19–20.4.
10. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1984. 192 с.
11. Косякова Н.С. Лжесвидетельство // Государство и право. 2001. № 4. С. 66–74.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. 2030 с.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11. e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida Vyacheslavna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal National University, Lenin st. 11, Irkutsk, 664003, e-mail: kupik@isea.ru.

УДК 343.1

В.В. Струкова

К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ НЕКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СО СТОРОНЫ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Настоящая статья посвящена исследованию особого вида квалифицированной юридической помощи, оказываемой защитниками-адвокатами в рамках уголовного судопроизводства, лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления. Также автор обращает внимание на проблему пассивной позиции защитника-адвоката при осуществлении уголовно-процессуального доказывания при расследовании и рассмотрении уголовных дел, что можно отнести к частным случаям неквалифицированной и непрофессиональной защиты со стороны последних.

Ключевые слова: защитник, институт защиты, квалифицированная юридическая помощь, пассивная позиция защитника, неквалифицированное оказание юридической помощи, непрофессиональная защита.

V.V. Strukova

TO THE QUESTION ABOUT THE UNQUALIFIED PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE BY A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The present article is devoted to the study of a special type of qualified legal assistance rendered by advocates-lawyers in criminal proceedings, persons suspected or accused of committing a crime. The author also draws attention to the problem of passive defender-counsel in the implementation of criminal procedure evidence in the investigation and hearing of criminal cases that can be attributed to special cases of unqualified and unprofessional protection from the latter.

Keywords: defender, Institute of protection, qualified legal aid, the passive position of the defender, unskilled legal aid, unprofessional protection.

Справедливость в уголовном судопроизводстве невозможна без соблюдения прав всех лиц, в нем участвующих. Право на квалифицированную юридическую помощь гарантировано ч. 1 ст. 48 Конститу-

ции Российской Федерации, в которой сказано: «Каждому гарантируется право на квалифицированную юридическую помощь». В положении настоящей статьи подозреваемому и обвиняемому гарантируется право на квалифицированную юридическую помощь адвоката (защитника), недвусмысленно связывая помощь защитника (как процессуальной фигуры) с деятельностью адвокатов - профессиональных юристов[1, с. 37-39].

Формальный критерий оказания квалифицированной помощи адвокатами раскрыт в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П, в котором Суд отметил, что закрепленное в части 2 статьи 48 Конституции РФ право пользоваться помощью адвоката (защитника) является одним из проявлений более общего права, гарантированного частью 1 статьи 48 Конституции РФ каждому человеку, - права на получение квалифицированной юридической помощи¹.

В другом Постановлении от 23.12.1999 г. № 18-П Конституционный Суд отметил, что адвокаты осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, и на адвокатов возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, гарантируя тем самым право каждого на получение квалифицированной юридической помощи².

Во многом профессионализм и квалификация оказания юридической помощи зависит от его активности в уголовном процессе. Адвоката-защитника можно отнести к важным профессиональным субъектам уголовно-процессуального доказывания с определенными ограничениями в правах и возможностях его участия в собирании доказательств, в сравнении со стороной обвинения [2, с. 128].

В процессе осуществления защиты по уголовному делу адвокат формирует позицию, которая в зависимости от своего содержания предусматривает различный объем познавательной и практической активности. Позиция может предопределить стратегию, направленную лишь на критику обвинения, или может предусматривать уста-

---

¹ По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

² Абз. 2 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 3. Ст. 353.

новление защитником всех возможных обстоятельств, благоприятных для обвиняемого, независимо от познанного стороной обвинения. В любом случае доверителю должна быть оказана квалифицированная юридическая помощь. В свете чего возникает проблема оценки осуществленного адвокатом познания? - необходимо соотнести совершенные адвокатом действия с понятием квалифицированной или неквалифицированной юридической помощи [3, с. 3-9].

Коренное обновление уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре свидетельствует о подведении определенного итога многолетней дискуссии ученых-правоведов и практикующих юристов о путях совершенствования правового института защиты, но не положили конца проблемам, существующим в данной области¹. Вышесказанное, прежде всего, относится к проблеме пассивной позиции защитника при осуществлении уголовно-процессуального доказывания, что может говорить о частных случаях неквалифицированной и непрофессиональной защиты со стороны последних [4, с. 12].

Что же необходимо считать пассивной защитой в доказывании по уголовному делу?

На наш взгляд, пассивная защита в первую очередь свидетельствует о таком процессуальном бездействии защитника на предварительном следствии и суде, при котором им, в первую очередь, не используются процессуальные полномочия, предусмотренные ст. 53 УПК РФ [5, с. 166-169].

Согласно проведенному анализу обзора дисциплинарной практики Совета Адвокатской палаты Курской области за 2009-2010 гг. были исследованы примеры рассмотрения дисциплинарных производств, возбужденных в отношении адвокатов Курской области квалифицированной комиссией, по поводу ненадлежащего исполнения адвокатами своих обязанностей.

По одному из таких дел в Адвокатскую палату Курской области от судьи поступило сообщение, в котором указывалось, что адвокат К. осуществлял защиту интересов обвиняемых Р. и Т. по двум уголовным делам на стадии предварительного следствия. В материалах уголовных дел имеются протоколы следственных действий подписанные адвокатом К. Однако, в ходе судебных разбирательств по ука-

---

¹ Пассивная защита нарушает права граждан // Гаспарян Нвер Саркисович
URL: [http:// www. pravorub.ru](http://www.pravorub.ru) (дата обращения: 02.04.2015 г.).

занным уголовным делам суд установил, что адвокат К. не отрицал, что подписал протоколы следственных действий при ознакомлении с материалами уголовных дел. При подготовке к судебному заседанию, суд возвратил уголовные дела в отношении Р. и Т. прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального законодательства, так как в результате действий адвоката К. не была обеспечена защита обвиняемых Р и Т.

Квалификационная комиссия и Совет адвокатской палаты пришли к выводу, что адвокат К. нарушил п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» п. 1 ст. 8 и п.п. 1,2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым адвокат обязан разумно, добросовестно, честно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, руководствуясь Конституцией РФ, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ» и Кодексом профессиональной этики адвоката. При этом адвокат не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображением собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне, а также действовать вопреки воле доверителя. На основании вышеизложенного решением Совета Адвокатской палаты Курской области вследствие нарушения им указанных норм профессиональной этики адвоката статус адвоката К. был прекращен¹.

В данном случае можно сказать, что вся деятельность адвоката К. свелась к молчаливому подписыванию следственных протоколов. Можно сказать, что фактически он не осуществлял уголовную защиту в ходе досудебного производства, что является выгодным фактором для органов уголовного преследования. Многочисленная судебнo-прокурорская практика исходит из той аксиомы, что если в ходе проведения предварительного расследования имелся защитник, то нару-

---

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.07.2013 г.) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обновления: от 01.01.2015 г.); Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003 г. (ред. от 22.04.2013 г.) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обновления: 01.01.2015 г.); Обзор дисциплинарной практики Совета адвокатской палаты Курской области за 2009-2010 гг. URL: [http:// www .kursk-advokat.ru](http://www.kursk-advokat.ru) (дата обращения: 02.04.2015 г.).

шения права на защиту не было. Поэтому можно сказать, что на сегодняшний день непрофессиональная защита является исключительно проблемой обвиняемого, который иногда выбирает себе защитника на свой страх и риск.

Случаи пассивной защиты также достаточно часто встречаются в судах. Участвуя в судебном разбирательстве защитник, не задает ни вопросы допрашиваемым судом и стороной обвинения лицам, за исключением вопроса подсудимому о составе семьи и состоянии здоровья. Когда возникает необходимость заявить ходатайство, не заявляет ни одного, а соглашается со всеми ходатайствами государственного обвинителя, в том числе и с оглашением показаний свидетелей, уличающих его подзащитного. Выступая в прениях, говорит речь, состоящую из нескольких предложений, в конце которой просит суд не наказывать своего доверителя строго. После провозглашения обвинительного приговора, отказывается его обжаловать в апелляционном порядке. Совершенно очевидно, что своим бездействием защитник оказывает доверителю медвежью услугу. Фактически при такой «защите» подсудимый остается без защитника [6, с. 21-22].

По нашему мнению, пассивную защиту необходимо рассматривать как один из видов нарушения конституционного права граждан, подвергшихся уголовному преследованию, на защиту с вытекающими из этого последствиями. В качестве доказательства оказания непрофессиональной защиты необходимо использовать заключение квалифицированной комиссии и решение Совета о наличии в действиях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также Кодекса профессиональной этики адвоката.

На наш взгляд, данную ситуацию можно изменить как на законодательном уровне, так при проведении целого комплекса мер, направленных на повышение уровня профессиональной подготовки адвокатов.

В действующее уголовно-процессуальное законодательство необходимо внести соответствующие изменения, которые должны содержать соответствующие гарантии защиты гражданина от непрофессиональной защиты. Так, подозреваемому и обвиняемому при разъяснении процессуальных прав, предусмотренных ст.ст. 46, 47 УПК РФ, не разъясняется право, согласно которому он имеет право отказаться от услуг избранного или назначенного им адвоката, предусмотренное ст. 52 УПК РФ. Также обвиняемому не всегда разъясня-

ется порядок реализации права на замену защитника, в чьей компетентности у него могли возникнуть сомнения. Кроме того, лицам, привлекающимся к уголовной ответственности, не разъясняется право, предусмотренное ч. 1 ст. 50 УПК РФ, о приглашении одновременно нескольких защитников, что могло бы активизировать действия стороны защиты [7, с. 35-37].

Также выходом из сложившейся ситуации может стать введение квалификационными комиссиями при Адвокатских палатах соответствующих субъектов очередных проверочных экзаменов. Кроме того, иногда возникает необходимость в проведении внеочередных экзаменов для адвокатов, в отношении которых возникли сомнения в их профессиональной пригодности. По нашему мнению, проведение экзаменов для адвокатов явилось бы действенным способом самоочищения адвокатского сообщества, так как нарушения со стороны адвокатов чаще всего носят латентный характер.

Поводом для проведения экзамена являлось бы обоснованное представление руководителя адвокатского образования, а для адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, соответствующее представление вице-президента Адвокатской палаты субъекта. Результаты экзамена будут являться основанием для лишения адвоката статуса и невозможности его получения повторно [6, с. 21-22].

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить тот факт, что адвокаты не смогут решить накопившиеся годами проблемы самостоятельно без помощи государства и надлежащего правового регулирования. При этом характер данной помощи должен в первую очередь не нарушать стержневой принцип существования адвокатуры, а именно ее независимость.

Список использованной литературы

1. Подольный Н.А. Право на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2005. № 4. С. 37-39.

2. Адвокат в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 375 с.

3. Орлов А.А. Оценка юридической помощи, оказываемой в процессе познания адвокатом // Адвокатская практика. 2014. № 5. С. 3-9.

4. Буробин В.Н. Адвокатская деятельность: учебно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИКФ ЭКМОС, 2003. 623 с.

5. Ревина И.В. Институт профессиональной ответственности адвоката: основные этапы становления и развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6. Ч. 1. С. 166-169.

6. Пассивная защита нарушает права граждан // Бизнес-адвокат. 2005. № 24. С. 21-24.

7. Рыжаков А.П. Обвиняемый: понятие, права и обязанности. М.: Издательство: «Дело и Сервис», 2013. 176 с.

Информация об авторе

Струкова Виктория Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, 305018, г. Курск, ул. Гагарина, 22-а, 22; e-mail: wstrukova@yandex.ru

Information about the author

Strukova Viktoria Viktorovna, candidate of legal Sciences, associate Professor, Department of criminal procedure and criminalistics of South-West state University, 305018, Kursk, St. Gagarina, 22A, 22; e-mail: wstrukova@yandex.ru

УДК 343.1

В.С. Шадрин

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются отказ прокурора от обвинения как институт уголовно-процессуального права и как деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве, основания, условия, порядок и последствия заявления отказа от обвинения и рас-

смотрения его судом первой инстанции, связанные с этим ошибки правоприменения, а также возможность отказа от обвинения в суде апелляционной инстанции.

Ключевые слова: государственный обвинитель, основания, условия, порядок и последствия отказа от обвинения, суд первой и апелляционной инстанции.

V. S. Shadrin

THE REFUSAL OF THE PUBLIC PROSECUTOR FROM PROSECUTION IN MODERN CONDITIONS

The article discusses the refusal of the Prosecutor from the prosecution as an institution of criminal procedural law and how the activities of the public Prosecutor in the proceedings, the grounds, conditions, procedure and effects of declarations of refusal of charges and consideration by the court of first instance associated with enforcement errors and the possibility of dropping the charges in the court of appeal.

Keywords: public Prosecutor, the grounds, conditions, procedure and consequences of withdrawal of charges, the court of first instance and appeal.

Направление прокурором в суд уголовного дела с утвержденным им обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением означает выдвижение перед судом государственного обвинения. Суд, по инициативе прокурора, должен решить основной вопрос уголовного дела - о виновности или невиновности обвиняемого лица и о назначении либо не назначении ему уголовного наказания. Поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу, должностное лицо органа прокуратуры выступает в качестве государственного обвинителя (п. 6 ст. 5 УПК РФ).

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования

полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 настоящего Кодекса.

Отказ государственного обвинителя от обвинения означает его несогласие с выдвинутым по уголовному делу обвинением, его отрицательную оценку результатов осуществлявшегося в отношении обвиняемого уголовного преследования. Можно согласиться с ранее высказанным, достаточно категоричным мнением, что отказ от обвинения - это отрицание обоснованности обвинения [1, с. 8]. Только следует иметь в виду, что подобные суждения были вполне безупречны в период действия прежнего уголовно-процессуального закона, в котором, в отличие от ныне действующего УПК РФ, не были перечислены конкретные основания отказа от обвинения, а в качестве общего основания для этого фигурировало лишь неподтверждение предъявленного обвинения (ч. 3 ст. УПК РСФСР).

Сейчас основанием для отказа государственного обвинителя от обвинения наряду с необоснованностью обвинения может, в ряде случаев, выступать также непосредственно его незаконность. Например, выявление прокурором в судебном разбирательстве отсутствия заявления потерпевшего в уголовном деле, если данное уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, явно свидетельствует о незаконности начала и последующего уголовного преследования обвиняемого. О чем государственный обвинитель и должен недвусмысленно заявить суду в качестве основания для отказа от обвинения со ссылкой на п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Аналогичная ситуация возникает, когда прокурор в судебном заседании сталкивается с ситуацией, предусмотренной п. 6 ч. 2 УПК РФ.

Прокурор вправе в порядке и по основаниям, установленным уголовно-процессуальным законом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения (ч. 4 ст. 37 УПК РФ). С учетом данного положения, положений ч. 7 ст. 46 УПК РФ и ряда касающихся их иных положений иных уголовно-процессуального закона, процессуальную регламентацию отказа прокурора от обвинения предложено считать самостоятельным институтом уголовно-процессуального права [2, с. 12]. Принимая во внимание наличие устойчивой совокупности взаимосвязанных уголовно-процессуальных норм, определяющих процессуальный статус государственного обвинителя, оснований, условий, формы и по-

следствий его отказа от обвинения, с таким выводом представляется возможным согласиться.

На основе применения метода системного анализа действующего уголовно-процессуального закона в юридической литературе выделяются следующие специфические черты, характеризующие процессуальную деятельность прокурора при отказе от обвинения: 1) психологическое, субъективное отрицание обвинения, которое возникает у прокурора в ходе судебного разбирательства дела при наличии к тому достаточных оснований, что составляет содержание отказа прокурора от обвинения; 2) публичное заявление прокурора, обращенное к суду и участникам судебного разбирательства сторон обвинения и защиты, которое подтверждает отрицательное отношение прокурора к обвинению; 3) прекращение прокурором обвинительной деятельности в судебном заседании, которое порождает юридические последствия для суда и сторон процесса, а именно правовое основание процессуальной обязанности суда принять такой отказ [3, с. 246].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, как влекущий прекращение уголовного дела, должен быть мотивирован со ссылкой на предусмотренные законом основания. При этом вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты¹.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в свою очередь уточняет, что в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его под-

---

¹ п. 7 Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан».

держание перед судом обеспечиваются обвинителем. Вместе с тем государственный обвинитель в соответствии с требованиями закона должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения со ссылкой на предусмотренные законом основания. Суду надлежит рассмотреть указанные предложения в судебном заседании с участием сторон обвинения и защиты на основании исследования материалов дела, касающихся позиции государственного обвинителя, и итоги обсуждения отразить в протоколе судебного заседания¹.

С учетом требований уголовно-процессуального закона, правовых позиций Конституционного Суда, Верховного Суда Российской Федерации и существующей судебной практики Генеральный прокурор Российской Федерации приказывает исходить из того, государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств. Отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован и представлен суду в письменной форме².

Игнорирование или забвение государственным обвинителем указанных требований влечет негативную реакцию суда, о чем наглядно свидетельствует следующий пример.

Постановлением Куйбышевского районного суда Новосибирской области от 8 апреля 2013 года уголовное преследование Трусовой С.М., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, ч. 2 ст. 160 УК РФ (6 эпизодов), ч. 1 ст. 160 УК РФ (8 эпизодов), прекращено в части обвинения по ч. 3 ст. 160 УК РФ по факту хищения товарно-материальных ценностей у Р.О.Н. на сумму 392400 рублей в связи с отказом государственного обвинителя от предъявленного обвинения на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В обоснование решения о частичном прекращении уголовного преследования Трусовой С.М. суд сослался на то, что в ходе предварительного слушания государственный обвинитель отказался от предъявленного Трусовой С.М. обвинения в части указанного факта в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, то есть на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

---

¹ п. 29 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 1 от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² п. 7 Приказа Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

На постановление суда потерпевшей Р.О.Н. подана апелляционная жалоба, в которой она просит постановление суда отменить. В обоснование доводов жалобы потерпевшая указывает, что мотив отказа от обвинения указанный прокурором противоречит обвинительному заключению, в связи с чем судом незаконно принят отказ от обвинения. Кроме этого, значимые материалы дела не исследовались, мнение сторон судом не заслушивалось. Проверив материалы уголовного дела, рассмотрев в судебном заседании апелляционной инстанции 5 июля 2013 года по жалобе потерпевшей указанное постановление Куйбышевского районного суда Новосибирской области от 8 апреля 2013, судебная коллегия по уголовным делам Новосибирского областного суда пришла к выводу, что постановление суда подлежит отмене по следующим основаниям. В силу п. 4 ч. 1 ст. 236 УПК РФ по итогам предварительного слушания судья вправе принять решение о прекращении уголовного дела. В соответствии с ч. 1 ст. 239 УПК РФ в случаях, предусмотренных п. 3-6 ч.1, ч. 2 ст. 24 и п. 3-6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, а также в случае отказа прокурора от обвинения в порядке, установленном ч. 7 ст. 246 УПК РФ, судья выносит постановление о прекращении уголовного дела. Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего кодекса.

Вместе с тем, по смыслу закона, государственный обвинитель в соответствии с требованиями закона должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения, равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания. Суду надлежит рассмотреть указанные предложения в судебном заседании с участием сторон обвинения и защиты на основании исследования материалов дела, касающихся позиции государственного обвинителя, и итоги обсуждения отразить в протоколе судебного заседания. Однако по данному уголовному делу указанные требования закона не выполнены в полной мере. Суд не учел, что

государственный обвинитель не указал конкретные основания, предусмотренные законом, позволяющие прекратить уголовное преследование Трусовой С.М. по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, в части обвинения по факту хищения товарно-материальных ценностей. Как следует из протокола судебного заседания, суд не выяснил у государственного обвинителя мотивы отказа от предъявленного Трусовой С.М. обвинения по ч. 3 ст. 160 УК РФ, не выяснил мнения участников процесса (в том числе мнение потерпевшей) по заявленному государственным обвинителем ходатайству, не исследовал материалы дела, касающиеся позиции государственного обвинителя, и прекратил уголовное дело в отношении Трусовой С.М. в части обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ на сумму 392400 рублей, сославшись только на отказ государственного обвинителя от обвинения в указанной части.

Поскольку судом допущены существенные нарушения требований уголовно-процессуального закона, которые не могут быть восполнены судом апелляционной инстанции, руководствуясь ст. 389.20 ч. 1 п. 4 УПК РФ, судебная коллегия определила: постановление Куйбышевского районного суда Новосибирской области от 8 апреля 2013 года, вынесенное по итогам предварительного слушания, о прекращении уголовного преследования и назначении судебного заседания в отношении Трусовой С.М., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, ч. 2 ст. 160 УК РФ (6 эпизодов), ч. 1 ст. 160 УК РФ (8 эпизодов) отменить, материалы уголовного дела направить на новое рассмотрение в тот же суд со стадии предварительного слушания¹.

В юридической литературе можно встретить высказывания о том, что при рассмотрении уголовных дел, в том числе по первой инстанции, прокурор осуществляет не функцию уголовного преследования, а функцию надзора за соблюдением закона [4, с. 6]. Однако данная точка зрения не выдерживает критики. Она полностью опровергается п. 55 ст. 5, ч. 1 ст. 21, ст. 37 и рядом других положений УПК РФ. Следует полностью согласиться с мнением, что поддержание государственного обвинения есть процессуальная форма уголовного преследования в судебном разбирательстве [3, с. 217; 5 с. 107].

---

¹ Апелляционное определение по делу № 22-3577/2013 от 05.07. 2013 г.

Осуществление уголовного преследования предполагает не простое выражение согласия государственного обвинителя с утвержденным по уголовному делу обвинительным заключением (актом, постановлением) в суде, а активность в отстаивании своей обвинительной позиции и опровержении доводов стороны защиты. Эффективность уголовного преследования в суде зависит от того, насколько государственный обвинитель готов к обоснованию обвинительного тезиса [6, с. 97]. Готовность государственного обвинителя предполагает его свободную ориентированность в материалах уголовного дела, предвидение развития любых вариантов рассмотрения уголовного дела, определенный волевой и морально-психологический настрой, включая способность сохранять хладнокровие и выдержку в конфликтной ситуации. Разумеется, государственный обвинитель должен отстаивать свою позицию не любой ценой, а при строжайшем соблюдении требований уголовно-процессуального закона, проявляя беспристрастность в объективности в оценке исследуемых в судебном заседании доказательств и не забывая о том, что в соответствии с принципом презумпции невиновности все неустранимые сомнения в доказанности обвинения толкуются в пользу обвиняемого.

Генеральный прокурор Российской Федерации предписывает всем прокурорским работникам в своей служебной деятельности исходить из того, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела. При этом государственным обвинителям полагается одновременно и непременно учитывать, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения¹.

В связи с введением в действие с 01.01.2013 г. нового порядка апелляционного производства, предусматривающего пересмотр решений суда первой инстанции по всем уголовным делам (гл. 40.1 УПК РФ) актуализировался вопрос о роли прокурора, участвующего в заседании суда апелляционной инстанции. В частности, о том обладает ли он здесь полномочиями, предусмотренными ч. 7 ст. 246 УПК РФ, на отказ от обвинения. Законодатель ясного ответа на данный вопрос, увы, не дает. По мнению Л.А. Воскобитовой, в апелляционной

---

¹ Приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», п. 1.

инстанции «обсуждается не обвинение, а вынесенный приговор, и то насколько законно и обоснованно, справедливо разрешен вопрос в нем об обвинении. Вопрос об обвинении по существу уже решен в первой инстанции, поэтому отказываться от обвинения поздно. Выявив неправильное применение уголовного закона, в апелляционной инстанции прокурор может просить лишь об отмене вынесенного приговора и прекращении производства по уголовному делу» [7, с. 39].

С данной позицией трудно полностью согласиться. Не думается, что вопрос об обвинении и его дальнейшей судьбе в заседании суда апелляционной инстанции вовсе не принимается во внимание. Тем более, когда приговор суда первой инстанции пересматривается по представлению прокурора, выступавшего ранее по данному уголовному делу в качестве государственного обвинителя в суде первой инстанции. Вряд ли можно категорически исключать заявление в апелляционной инстанции прокурором отказа от обвинения полностью или в части, с принятием судом решения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Если к тому же учесть, что в указанной норме речь идет об участии государственного обвинителя в «судебном разбирательстве», а, согласно п. 51 ст. 5 УПК РФ, судебное разбирательство – судебное заседание судов не только первой, но и второй, кассационной и надзорной инстанций.

Список использованной литературы

1. Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения. Харьков, 1979. 116 с.
2. Кириллова Н.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: автореф. ... канд. юрид. наук:12.00.09. Санкт-Петербург, 2007. 24 с.
3. Крюков В.Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность). Курск, 2012. 500 с.
4. Якимович Ю.К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. 2015. № 8. С. 3-7.
5. Мазюк Р.В. О роли функции обвинения (уголовного преследования) в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. Вып. 2 (6). С. 103-112.

6. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб, 2007. 405 с.

7. Воскобитова Л.А. Апелляция – принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы. М., 2013. С. 35-42.

Информация об авторе

Шадрин Виктор Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр.,44; e-mail: vikt-shadr@yandex.ru

Information about the author

Shadrin Victor Sergeevich – doctor of legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of criminal process and criminalistics of the St. Petersburg law Institute (branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation, 191104, Saint-Petersburg, Liteyny PR., 44; e-mail: vikt-shadr@yandex.ru

---

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.985.2

Г.А. Алиева

ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗНАНИЙ СВЕДУЩИХ ЛИЦ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА В СФЕРЕ ЖКХ

В статье рассматриваются тактические особенности привлечения и использования специальных знаний сведущих лиц при расследовании взяточничества и коммерческого подкупа в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Базируясь на опыте следственных подразделений Следственного комитета РФ и МВД России по расследованию уголовных дел данной группы преступлений, автор анализирует процессуальные и непроцессуальные формы использования данных знаний.

Ключевые слова: расследование преступлений, взяточничество, коммерческий подкуп, жилищно-коммунальное хозяйство, специалист, консультант, специальные знания.

G.A. Alieva

TO THE QUESTION ABOUT THE EFFECTIVENESS OF THE INVOLVEMENT OF A SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF BRIBERY AND COMMERCIAL BRIBERY IN UTILITIES

The article discusses the tactical features of mobilizing and using specialized knowledge competent persons under investigation-the study of bribery and commercial bribery in the sphere of housing and communal services. Based on the experience of the investigative sub-division of the Investigative Committee of the Russian Federation and the Ministry of internal Affairs of Russia on investigation of criminal cases of the given group of crimes, the author analyzes the procedural and non-procedural forms of use of this knowledge.

Keywords: investigation of crime, bribery, commercial bribery, housing and utilities, specialist, consultant, special knowledges.

По уголовным делам о взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере ЖКХ с момента проведения предварительной (доследственной) проверки у следователя возникает ряд вопросов, на которые ответ может дать лицо, обладающее специальными знаниями в области экономики, строительства, ремонтно-технических работ, бухгалтерского учета и т.п.

Разделяя позицию В.Н. Хрусталева и Р.Ю. Трубицына, отметим, что, несмотря на право следователя привлекать специалиста к участию в любом следственном действии, для решения данного вопроса всякий раз следует исходить из целесообразности использования его помощи [1, с. 14].

При совершении рассматриваемой группы преступлений в сфере ЖКХ коррупционеры, с целью противодействия правоохранительным органам по выявлению и расследованию преступлений, задолго до реализации своего преступного умысла продумывают способы сокрытия следов своей преступной деятельности. Изучение уголовных дел о взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере ЖКХ позволяет сделать вывод о том, что большинство указанных следов отражается в финансово-учетных, бухгалтерских, иных гражданско-правовых документах, а также на аудио- и видео-носителях электронной информации [2, с. 3-6]. С целью противодействия расследованию также встречаются способы сокрытия в виде маскировки документов, в частности составления временных приходно-расходных накладных во время проведения инвентаризации в коммерческой или иной организации, отсутствие документов в месте, где они должны храниться, временное отсутствие указанных документов, несоответствие сумм расходов по бухгалтерским документам фактической стоимости по проведению ремонтно-строительных работ и т.д.

Указанные противоречия в документах учета о финансово-хозяйственной деятельности обнаруживаются посредством производства ревизий и документальных проверок, осмотра документов с участием специалиста. Тактически эффективным решением следователя при производстве указанных действий будет многоаспектное изучение и исследование документов, носящих следы преступлений, которое позволит в конечном итоге восстановить хронологию финансово-хозяйственной деятельности и установить лиц, принимавших участие во взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере ЖКХ.

Учитывая, что взяточничество и коммерческий подкуп в сфере ЖКХ часто выявляются в результате расследования уголовных дел о хищениях в указанной сфере экономической деятельности, а также особенности предмета взятки и незаконного вознаграждения в сфере ЖКХ, которыми являются денежные средства в виде «откатов» от получаемых субсидий, дотаций, иных льгот, что обуславливает их тесную связь с мошенничеством и хищениями, внимание следует уделить выводам, сделанным К.А. Титовой. Она пишет, что анализ, проведенный по уголовным делам о преступлениях в сфере ЖКХ, показывает, что следователи не часто привлекают специалиста-бухгалтера для участия в производстве следственных действиях. Лишь 8,8% уголовных дел содержал производство следственного осмотра документов, который проводился с привлечением специалиста [3, с. 85]. Данное обстоятельство позволяет автору статьи сделать вывод о неэффективном использовании следователями современных технико-криминалистических средств и знаний сведущих лиц в различных областях знаний, могущих повлиять на обнаружение, фиксацию и сбор новых доказательств по уголовным делам о взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере ЖКХ. Такие тактические ошибки нередко приводят к утрате доказательственного значения уже изъятых документов и прекращению уголовных дел.

Вместе с тем, при расследовании уголовных дел о взяточничестве и коммерческом подкупе в сфере ЖКХ представляется целесообразным использование положений, разработанных для взаимодействия с контрольно-ревизионными органами Министерства финансов России и ряда других ведомств правоохранительной системы¹. Так, Росфиннадзор контролирует порядок использования средств Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, направленных на предоставление финансовой поддержки за счет средств данного фонда и предусмотренных в бюджете РФ и местном бюджете на доленое финансирование проведения капитального ремонта многоквартирных домов, переселения граждан из аварийного

---

¹ Об утверждении Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок): Приказ Минфина России, МВД России, ФСБ России от 7 декабря 1999 г. № 89н/1033/717 // СПС «КонсультантПлюс».

жилищного фонда, модернизации системы коммунальной инфраструктуры¹. Указанная служба обладает полномочиями по «проведению экспертиз, необходимых при проведении контрольных мероприятий, а также правом привлечения независимых экспертов для проведения отмеченных экспертиз»². В специальной литературе прослеживаются предложения о необходимости использования специальных знаний сведущих лиц Росфиннадзора, Счетной палаты, а также специалистами Управления капитального строительства субъекта РФ и др. При этом отмечается, что методы и формы проведения указанных мероприятий, а также результаты проведенных исследований различны и не однозначны, что в дальнейшем затрудняет деятельность следователя по принятию решения о возбуждении уголовного дела [4, с. 91-95; 5, с. 113; 7, с. 93].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что специальные знания могут в равной степени использоваться как для доказывания [6, с. 26-29; 8, с. 734-744], так и для установления и выявления различных обстоятельств уголовного дела о взяточничестве и коммерческом подкупе в ЖКХ. Использование специальных знаний до возбуждения уголовного дела, равно как и в ходе расследования данной группы преступлений в сфере ЖКХ обуславливается спецификой экономической деятельности и сложными, многоуровневыми способами приема – передачи предмета взятки и незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, где следователю сложно разобраться без привлечения сведущих лиц.

Список использованной литературы

1. Хрусталева В.Н., Трубицын Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: учеб. пособие. СПб: Питер, 2003.
2. Алиева Г.А. К вопросу об эффективности привлечения специалиста при расследовании взяточничества и коммерческого подкупа в ЖКХ // Эксперт-криминалист. 2016. № 1. С. 3-6.

---

¹ Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по контролю в финансово-бюджетной сфере: Приказ Минфина России от 20 марта 2014 г. № 18н // СПС «КонсультантПлюс».

² Там же. п. "в" ст. 9 раздел 1.5.

3. Титова К.А. Использование специальных знаний при расследовании хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Алтайский юридический вестник. 2013. № 3 (3). С. 84-88.

4. Корж В.П. Современные проблемы использования специальных знаний при расследовании экономических преступлений // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 36-39.

5. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М: Проспект, 2011.

6. Комиссарова Я.В. О понятии экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 26-29.

7. Кох А. В. Об актуальных проблемах выявления и документирования преступлений, связанных с хищением денежных средств, выделяемых на капитальный ремонт объектов ЖКХ Республики Тыва // Актуальные вопросы организации деятельности органов внутренних дел по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: сб. ст. всеросс. науч.-практ. конф. М: Академия управления МВД России, 2013.

8. Зеленский В. Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 734 – 744.

Информация об авторе

Алиева Гюнай Аладдиновна – заведующая лабораторией криминалистики и специальной техники, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: krim.lab@rea.ru

Information about the author

Alieva Gunay Aladdinovna – Head of the laboratory of criminalistics and special technics, senior teacher of the Department of criminal law and procedure of Federal state budgetary educational institution "Russian economic University named of G. V. Plekhanova", 117997, Moscow, Stremyanny pereulok, 36; e-mail: krim.lab@rea.ru

О ПРОВЕДЕНИИ ВСТРЕЧНОГО ОПОЗНАНИЯ

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства РФ и Украины, которыми регулируется порядок проведения такого следственного действия, как предъявление для опознания. Рассмотрены виды предъявления для опознания в зависимости от объекта, который подлежит идентификации по мысленному образу. Обращено внимание, что принципиальные вопросы, которые относятся к данному следственному действию, законодателем решаются исходя из объективных потребностей практики с учетом современных достижений науки психологии. Предлагаются решения взаимного предъявления для опознания в рамках действующего законодательства.

Ключевые слова: опознание, узнавание, следственное действие, взаимное опознание, анатомические и функциональные признаки, повторное опознание.

E. D. Lukianchykov
B. E. Lukianchykov

ABOUT THE REALIZATION OF CROSS-IDENTIFICATION

In this article it is analyzed the norms of the Criminal Procedure Code of Ukraine and the Russian Federation regulating the order of the realization of such investigative action as the submission for identification. It is exposed the types of the submission for identification according to the object proposed for identification by the visual. It is accented to the fact that the important questions concerning this investigative action are solved by the legislator according to the objective necessity of the practice and to the contemporary development on the psychology. It is proposed the solutions for the cross-identification according to the legislation in power.

Keywords: the identification, the recognition, the investigative action, the cross-identification, the anatomical and functional characteristics, the person re-identification.

Анализ уголовно-процессуального законодательства Украины позволяет выделить несколько видов предъявления лица для опознания: а) в натуральном виде; б) по фотоснимкам и материалам видеозаписи; в) по анатомическим признакам; г) по функциональным признакам (голосом и походке); д) в процессе визуального контакта между участниками следственного действия и в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ст. 228 УПК Украины).

Аналогичные виды предъявления для опознания предусмотрены и в ст. 193 УПК РФ. Несмотря на то, что в данной норме не упоминается о возможности предъявления лица для опознания по материалам видеозаписи, походке и голосу, они широко применяются в практике, а технология проведения на достаточном уровне разработана и освещается в научной литературе [1, с. 255-261; 2, с. 173-180].

Наряду с названными, в теории рассматриваются и другие виды предъявления лица для опознания, на рассмотрении одного из которых считаем необходимым остановиться подробнее. Практике известны ситуации, когда в процессе расследования потерпевший (свидетель) и подозреваемый выражают готовность опознать друг друга. Преступники порой хорошо запоминают приметы людей, в отношении которых совершили преступление или людей, которых видели недалеко от места совершения преступления (свидетелей). К примеру, лицо, которое совершило грабеж, разбойное нападение или другое преступление, может опознать человека, на которого было совершено нападение, а также лиц, которые находились недалеко от этого места и могли видеть происходящее. В таких ситуациях нет ничего неожиданного.

По каждому восьмому из изученных дел о грабежах и разбойных нападениях подозреваемые выражали готовность опознать человека, на которого совершали нападение или лиц, которых они видели в момент нападения и которые могут быть свидетелями преступления. Такие данные свидетельствуют о том, что лица, которые совершили преступление, могут опознать свидетеля или потерпевшего и изъявляют такое желание, стремясь показать свое содействие в расследовании преступления. Поэтому уже во время допроса следователю необходимо выяснить, насколько это, возможно, какую линию поведения может избрать подозреваемый, и действительно ли он будет сотрудничать со следствием. Это связано не только с решением

вопроса о взаимном опознании, но и необходимо для установления истины по уголовному делу.

Подобные ситуации известны практике с давних времен и следователи пытаются разрешать их по-разному, что находит отражение в научных обобщениях и публикациях. Естественно, следователь может принять решение, кому лучше предъявить лицо для опознания – подозреваемому или потерпевшему (свидетелю). Однако иногда у следователя возникает желание, чтобы такие люди опознали друг друга, для большей убедительности. То, что такая возможность объективно существует не вызывает сомнения. Вопрос состоит в том, каким образом наиболее результативно использовать ситуацию, когда опознать друг друга могут и изъявляют желание два человека, независимо от того, в каком соотношении будет проводиться предъявление для опознания: свидетель – свидетель, свидетель – подозреваемый, подозреваемый – потерпевший.

Предъявление для опознания в традиционном порядке приведет к невозможности провести следственное действие с другим участником, который также выразил желание опознать лицо. Особый риск характерен для тех ситуаций, когда подозреваемый не узнает потерпевшего или свидетеля. Последующее предъявление, уже его для опознания потерпевшим или свидетелем становится невозможным, поскольку эти люди уже видели друг друга. Такой запрет содержится непосредственно в ч. 1 ст. 228 УПК Украины, а в ч. 3 ст. 193 УПК РФ говорится о невозможности повторного опознания лица или предмета тем же опознающим по тем же признакам. В таких ситуациях, отмечают некоторые авторы, возникает необходимость взаимного предъявления таких лиц для опознания [3, с. 13]. Проведение «встречного» или взаимного опознания считают эффективным, поскольку оно повышает достоверность установления факта контакта двух человек в определенных обстоятельствах. На основе обобщения практики разработаны рекомендации по проведению такого опознания в рамках правового регулирования УПК Украины 1960 года.

Предъявление для опознания в рассматриваемом варианте не получило единообразного определения в научных публикациях (взаимное, встречное, двойное, двухстороннее), а предложенные технологии проведения существенно отличаются. В следственной практике такой вид предъявления для опознания встречается достаточно редко, что обуславливается особенностями создания благоприятных усло-

вий, которые бы позволили получить желаемый для расследования результат.

Некоторые авторы считают, что закон не допускает двойного (одновременного, двухстороннего) предъявления для опознания, поскольку это не согласуется ни с процессуальным законом, ни с криминалистической практикой [4, с. 36]. Поскольку действующий закон не допускает двойного опознания, постольку следователь должен принять решение, кому из возможных участников лучше предъявить лицо для опознания. Рекомендуется, чтобы им стал тот участник, который более полно назвал приметы и особенности внешности, по которым может опознать другого человека [5, с. 180]. В такой ситуации технология предъявления для опознания проходит в обычном порядке, а поэтому следователь должен решить, кто из возможных лиц будет опознающим.

Другие авторы, анализируя виды предъявления для опознания, в зависимости от условий наблюдения [6, с. 316]. Возможность проведения предъявления для опознания в рассматриваемом режиме В. А. Образцов называет уникальной особенностью идентификации человека человеком в процессе предъявления для опознания [7, с. 280].

Дискуссии вокруг данного вида предъявления для опознания привели к широкому разнообразию предлагаемых авторами технологий его проведения. Так, одни из них полагают, что поскольку предъявление для опознания является, в определенной степени, одноразовым следственным действием, то есть ее, как правило, невозможно повторить в том же составе участников, а поэтому рекомендуют после получения отрицательного ответа на этом ее не заканчивать. Они полагают, что следователь может предложить лицу, которое было предъявлено для опознания, ответить на вопрос – не знает ли он человека, который производил опознание. Практике известны случаи, когда под психологическим воздействием самой обстановки предъявления для опознания, некоторые подозреваемые становятся на путь сообщения правдивых показаний. Такие показания, несомненно, подлежат занесению в протокол этого следственного действия. В данном случае фактически имело место встречное опознание [8, с. 471]. С подобным утверждением трудно согласиться. По сути, речь идет об обычном психофизиологическом процессе узнавания человеком людей, которых он воспринимал ранее и их образы сохранились у него в памяти. Технология предъявления лица не соблюдалась, результаты таких действий должны получить отображение в протоколе допроса

лица, которое предъявляли для опознания с подробным описанием всех обстоятельств события преступления, восприятия и запоминания признаков лица, в отношении которого было совершено преступление.

Иного мнения по данному вопросу придерживается Л.Д. Удалова. Во время проведения встречного опознания, когда два человека, например, обвиняемый и потерпевший, готовы опознать друг друга, отмечает она, незаменимыми являются видеозапись и киносъемка. Поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такого опознания, она предлагает закрепить в УПК Украины статью с названием «Встречное опознание». Его процедура должна состоять в следующем. Сначала провести опознание одного из них по материалам кино или видеозаписи. На этих материалах человека, которого будут узнавать необходимо, представить в группе людей, схожих по внешним признакам, и не только в статическом положении, но и в процессе движения (в динамике), с левой и правой стороны. Это необходимо сделать так, чтобы во время съемки признаки внешности тех, кого будут опознавать, фиксировались в различных ракурсах. После проведения опознания по материалам видеозаписи лицо, которое проводило опознание, в обычном порядке предъявляют для опознания тому, кого опознали [9, с. 164-165].

Подобная рекомендация вполне приемлема для практики, как обычный вид предъявления лица для опознания с соблюдением всех рекомендаций психологии и требований процессуальных норм. Вместе с тем, вызывает сомнение говорить о встречном опознании, когда люди встречаются глаз на глаз при производстве следственного действия.

Третья группа авторов использование такого вида предъявления для опознания считают эффективным и предлагают следующий порядок его проведения. Потерпевшего и подозреваемого располагают в различных помещениях в группе лиц, среди которых они будут предъявляться для опознания и двумя понятыми. При этом необходимо строго соблюдать все правила предусмотренные для предъявления лица для опознания. Каждого участника группы, которых предъявляют, предупреждают об обязанности соблюдать порядок предъявления для опознания и, в частности, не обращаться с вопросами ни к кому из участников группы, которая ему будет представлена для осмотра. Чтобы избежать вопросов и ходатайств во время проведения

следственного действия, следовательно до начала его проведения уточняет, какие действия, по мнению каждого опознающего, должны совершить участники группы, которых представляют для восприятия. Следовательно выясняет, есть ли необходимость в том, чтобы участники противоположной группы встали, если они сидят, сделали несколько шагов, произнесли определенные фразы и т.п. Каждое лицо, которое предъявляют, самостоятельно выбирает себе место среди других людей. В такой последовательности группы входят в достаточно просторное помещение, где располагаются на некотором удалении одна от другой, однако так, чтобы было хорошо видно признаки внешности всех предъявляемых лиц. На этом этапе производства следственного действия запрещается разговаривать или задавать вопросы друг другу. Следовательно предлагает участникам групп внимательно посмотреть друг на друга и снова предупреждает о необходимости соблюдать правила, о которых они предупреждены, и ни к кому, а тем более друг к другу с вопросами не обращаться. На этом этапе участники могут выполнить действия, которые были оговорены ранее. Следовательно в порядке очередности может предложить встать, сделать несколько шагов, произнести несколько фраз, которые были оговорены ранее. После этого группы выводят в помещения, в которых они находились ранее в том же порядке, в котором лица предъявлялись для опознания. В присутствии понятых основные участники опознания делают заявления о том, кого именно они опознали и по каким признакам [10, с. 93-95]. Такие заявления фиксируют в протоколе, с указанием признаков, по которым произведено опознание. После этого группы собирают в просторном помещении, и следовательно выясняет у присутствующих, имеются ли у них заявления или ходатайства в связи с проведенным следственным действием, желает ли кто-либо из участников, в том числе и понятые, сделать какие-либо заявления или ходатайства.

Основываясь на таких положениях, З.Г. Самошина приходит к выводу, несмотря на то, что в УПК не упоминается о возможности «встречного» опознания, в нем не содержится и положения, которое прямо запрещает рассматриваемую процедуру. А поскольку практика требует поиска новых способов, которые позволяют расширить возможности познания, то «встречное» опознание можно признать допустимым и целесообразным [11, с. 82-88].

Рассмотренная технология производства следственного действия в большей мере, чем иные, соответствует пониманию встречно-

го предъявления для опознания. Однако такой порядок сопряжен с определенными трудностями, может повлечь непредвиденные последствия в поведении со стороны лиц, которые должны были узнать друг друга.

Подобную ситуацию взаимного опознания описывает О.Я. Баев. Сцену клуба перегородили занавесью на две половины и сделали в ней отверстие, через которое можно наблюдать за происходящим на каждой половине. После этого с различных сторон на сцену завели потерпевшего, подозреваемого, статистов понятых. Потерпевший и подозреваемый заняли место по своему усмотрению среди статистов. После этого им предоставили возможность поочередно воспринимать представленных для обозрения людей на каждой половине через отверстие. О результатах наблюдения, каждый из опознающих дал показания следователю, что нашло отражение в протоколе [12, с. 168-169].

Для выяснения других вопросов, которые могут возникать в процессе расследования, может быть произведена очная ставка (ст. 192 УПК РФ) (одновременный допрос двух и более, ранее допрошенных лиц, в соответствии со ст. 224 УПК Украины) для установления причин противоречий в их показаниях.

На сегодняшний день отпадает необходимость в проведении, так называемого «встречного» опознания с довольно сложными технологиями и возможностью наступления нежелательных последствий. Данный вопрос освещен в историческом аспекте, с целью показать пути поиска и разрешения ситуаций, которые возникали в следственной практике в целях идентификации личности. Сегодня нет необходимости прибегать к сложным технологиям, когда возникает необходимость предъявить нескольких лиц для опознания, не нарушая требования закона о запрете показывать их друг другу, а также сообщать о них другие сведения. Сегодня каждого человека можно предъявить для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Выводы. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и практики расследования преступлений позволяют сделать вывод о том, что необходимость в проведении, так называемого «встречного» опознания, которое сопряжено со значительными организационными трудностями отпала. Решить задачи, которые ставились перед взаимным (встречным) опознанием сегодня можно обратившись к проведению предъявления для опознания в условиях,

исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Каждый из участников, изъявивших желание опознать друг друга, будет иметь такую возможность в соответствии с процедурой, которая закреплена в законе.

Список использованной литературы

1. Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник для вузов и юридические факультетов. М: ЛексЭст, 2003. 376 с.
2. Ищенко Е.П. Криминалистика: Краткий курс. М: «ИНФРА–М», 2003. 302 с.
3. Методичні рекомендації щодо пред'явлення для впізнання на досудовому слідстві. № 5483/Кл. К., 2001. 32 с.
4. Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996. 128 с.
5. Следственные действия (процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984. 240 с.
6. Криміналістика : підручник / [В. Д. Берназ, В. В. Бірюков, А. Ф. Волобуєв]. Харків: ХНУВС, 2011. 666 с.
7. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. М., 1996. 448 с.
8. Кримінальний процесуальний кодекс України : Науково-практичний коментар / Відп. ред.: С.В. Ківалов, С.М. Міщенко, В.Ю. Захарченко. Харків: Одиссей, 2013. 1104 с.
9. Удалова Л.Д. Теорія та практика отримання вербальної інформації у кримінальному процесі України. Київ: Вид. ПАЛИВОДА А.В., 2005. 324 с.
10. Лукьянчиков Е.Д. Криминалистическая идентификация объектов по следам памяти. Донецк: Академия, 1998. 112 с.
11. Самошина З.Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 90 с.
12. Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 224 с.

Информация об авторах

Лукьянчиков Евгений Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры информационного права и права ин-

теллектуальной собственности Национального технического университета Украины «КПИ», 03056, Украина, г. Киев, пр. Победы, 37; edl1947@bigmir.net

Лукьянчиков Борис Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, 01011 Украина, г. Киев, пер. Кутузова, 4а; Boryn@bigmir.net

Information about the authors

Lukianchykov Evgen Dmytrovych – PhD in Law, professor, professor of the data protection law and intellectual property law chair of the National Technical University of Ukraine “KPI”, 37 av. Pobedy Kiev Ukraine ; edl1947@bigmir.net

Lukianchykov Borys Evgenovych – Candidate of Juridical Sciences, assistant professor, research scientist Institute of Juridical Sciences Ministry of Internal Affairs, 4a, av Kutuzova, 01011 Kyiv Ukraine; Boryn@bigmir.net

УДК 343.98.067

Е.И. Попова

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОЗДАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ

В статье обращается внимание на ненадлежащий уровень защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Констатируется, что для решения обозначенной проблемы необходимо создание систем тактико- и методико-криминалистических рекомендаций. Обращается внимание на необходимость правового просвещения обозначенной категории граждан. Предлагаются отдельные рекомендации, использование которых позволит в большей степени обеспечивать реальную защиту прав и законных интересов потерпевших.

Ключевые слова: потерпевший, защита прав и законных интересов, правовое просвещение, криминалистические рекомендации.

Е.И. Попова

SOME OF THE AREAS OF FORENSIC CREATE RECOMMENDATIONS FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF VICTIMS

The article draws attention to the inadequate level of protection of the rights and legitimate interests of victims of crimes. It is stated that for solving the given problem it is necessary to create systems tactical and methodical forensic recommendations. Attention is drawn to the need of legal education for designated categories of citizens. Offered some recommendations, which may contribute to a greater extent to ensure real protection of the rights and legitimate interests of victims.

Keywords: the victim, protection of rights and legitimate interests, legal education, forensic recommendations.

Как известно, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ) указана не только среди иных направлений назначения уголовного судопроизводства, но и является одним из его принципов, поскольку структурно располагается в главе 2 УПК РФ: «Принципы уголовного судопроизводства».

Вместе с тем сегодня потерпевший является самым незащищенным участником уголовного судопроизводства, на это указали свыше 90% опрошенных нами респондентов¹. Вместе с тем мы не считаем правильным, актуализируя обозначенную проблему сводить все только лишь к критике правоприменителя. Вряд ли принесет положительные результаты ворчание и непродуктивная демагогия. Нужно решительным образом менять сложившееся положение дел.

Одним из наиболее эффективных путей в этом направлении, на наш взгляд, является создание системы тактико- и методико-криминалистических рекомендаций для следователя (дознателя), работников прокуратуры, осуществляющих надзор за предварительным следствием (дознанием), а также поддерживающих государственное обвинение и суда по защите прав и законных интересов потерпевших (гражданских истцов). Более того, на наш взгляд, необходимо правовое просвещение последних, на чем совершенно верно ак-

---

¹ Интервьюирование проводилось в отношении 62 судей, следователей (дознателей), работников прокуратуры в чьи полномочия входит надзор за органами предварительного расследования.

центрирует внимание Ю.П. Гармаев. Автор отмечает, что до настоящего времени профессиональными участниками уголовного процесса крайне редко используются средства правового просвещения и правового информирования населения аналогичные тем, что зарекомендовали себя в других сферах: антитеррористической, антикоррупционной деятельности. Говоря об этих средствах, речь, в частности, может идти о разнообразных печатных и электронных памятках, пособиях, лекциях, видео-роликах, плакатах, буклетах, а также об электронных приложениях, мультимедийных презентациях и т.п., в которых в краткой, наглядной и доступной для широких слоев населения форме излагались бы основные требования действующего законодательства (правовое информирование), а также вытекающие из них советы гражданам, вновь вступающим или могущим вступить в правоотношения, либо находящимся в «группе риска» совершения противоправных действий или наоборот – рискующим стать жертвами посягательств, и многое подобное [1, с. 78].

Именно поэтому, например, профессор Ю.П. Гармаев совместно со своими учениками (в числе которых и автор настоящей статьи) не только актуализирует необходимость правового просвещения населения, но и предлагает практические рекомендации в этом направлении. Такие конкретные научно-обоснованные рекомендации, оформлены в виде «Кратких руководств ...» и «Памяток...» разрабатываются и предлагаются как с учетом специфики деятельности тех или иных категорий граждан, так и для широких слоев населения [2].

Внедрение подобного рода Памяток и Руководств получило множество откликов, в которых в числе основных положительных сторон этих изданий отмечается отсутствие излишней теоретизированности и доступность восприятия текста, обоснованность его содержания нормами действующего законодательства и правоприменительной практики и пр.

Автор настоящих строк длительное время занимающийся проблемами обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, с перспективой рассмотрения в особом порядке, разработал и успешно внедряет, например, Памятку потерпевшему, заявляющему гражданский иск по указанной категории дел [3]. Будучи ограничены рамками настоящей публикации приведем лишь отдельные выдержки из этого документа не процессуального характера.

Гражданский иск может быть предъявлен:

- после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции (ч.2 ст. 44 УПК РФ),

- к конкретному лицу, после вовлечения его в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого, обвиняемого.

3. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя (ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

4. Вы вправе предъявить гражданский иск для компенсации имущественного и морального вреда:

4.1. Размер имущественного вреда, подлежащего возмещению потерпевшему, определяется, исходя из цен, сложившихся на момент вынесения решения по предъявленному иску. Размер присужденной ко взысканию суммы компенсации причиненного вреда не может быть увеличен с учетом индексации в порядке исполнения приговора, поскольку такое решение не предусмотрено главой 47.1 УПК РФ. Заявление гражданского истца об индексации рассматривается судом в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с ч. 1 ст. 208 ГПК РФ (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»¹ – далее ППВС от 29.06.2010 г. № 17).

Характер и размер вреда, причиненного преступлением являются обстоятельствами подлежащими доказыванию по уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Обязанность по установлению наличия или отсутствия этих обстоятельств возложена на следователя (дознавателя) (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Вы и ваш представитель также вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Так, вы можете представлять документы, подтверждающие стоимость предметов (кассовые, товарные чеки, договора купли-продажи), заключение о среднерыночной стоимости аналогичного имущества на дату причинения вреда, медицинское заключение о наличии заболевания, которое явилось результатом преступных действий, рецепты

---

¹О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 9.

врача для приобретения лекарств, направления на платное обследование и документы о его проведении и т.п.

Определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления (п. 25 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹ (далее – ППВС от 27.12.2002 г. № 29)). Это означает, что суд, руководствуясь данным постановлением в случае включения восстановительных работ не повлекших материальных расходов (например, ваших физических трудозатрат) в гражданский иск вправе оставить его в этой части без удовлетворения.

Если вы обращались для производства восстановительных работ к какому-либо лицу или организации и официально оплачивали эти работы, представьте следователю (дознавателю) соответствующие документы об оплате таких услуг, для приобщения их к материалам уголовного дела, согласно ч. 3 ст. 84 УПК РФ. В этом случае размер вреда будет доказан в установленном законом порядке и у суда в этой части не будет оснований для отказа в удовлетворении (оставлении без рассмотрения) гражданского иска в этой части. Представление таких документов на досудебных стадиях повышает ваши шансы на удовлетворение гражданского иска в уголовном судопроизводстве, поскольку суду не потребуется производить дополнительные расчеты, а значит, не будет оснований для передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, в порядке ч. 2 ст. 309 УПК РФ.

4.1.1. Помните суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего относятся к процессуальным издержкам и не могут быть включены в гражданский иск (п. 1.1 ч. 1 ст. 131 УПК РФ). Если расходы на вознаграждение представителю будут включены в гражданский иск, то суд при принятии решения вправе оставить его в этой части без удовлетворения (отказать в рассмотрении), а также признать за гражданским истцом право на рассмотрение гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства;

---

¹О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

4.1.2. Не могут быть удовлетворены требования об уплате штрафов, неустойки, упущенной выгоды и т.д.

4.2 Вы можете предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). По иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42 УПК РФ).

4.2.1. Важно знать, что решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, суд исходит из положений ст. 151 ГК РФ (Компенсация морального вреда) и п. 2 ст. 1101 ГК РФ (Способ и размер компенсации морального вреда) и руководствуется п. 24 ППВС от 29.06.2010 г. № 17 и учитывает:

- характер и степень причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред. Для этого устанавливаются фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, поведение подсудимого непосредственно после совершения преступления (например, оказание либо неоказание помощи потерпевшему), индивидуальные особенности потерпевшего (возраст, состояние здоровья, поведение в момент совершения преступления и т.п.);

- степень вины причинителя вреда;

- иные заслуживающие внимания обстоятельства (например, потеря работы потерпевшим);

- требования разумности и справедливости.

4.2.2. В случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке (п. 24 ППВС от 29.06.2010 г. № 17).

5. При предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве Вы освобождаетесь от уплаты государственной пошлины (ч. 2 ст. 44 УПК РФ).

Вместе с тем обозначенное направление приложения усилий криминалистов-разработчиков прикладных рекомендаций требует своего дальнейшего развития с приложением больших, в первую очередь, временных затрат. Однако не вызывает сомнений огромная практическая значимость подобного рода комплексов рекомендаций в деле повышения эффективности защиты прав и законных интересов потерпевших.

Список использованной литературы

1. Гармаев Ю.П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 71-80.

2. Гармаев Ю.П. Предупреждение коррупции в вузе и защита от незаконного обвинения в коррупционном преступлении (для занятий с профессорско-преподавательским составом): практ. пособие. Улан-Удэ, 2014. 29 с.

3. Попова Е.И. Некоторые особенности участия несовершеннолетнего – гражданского истца при рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: мат-лы V Межд. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2015. С. 202-207.

4. Леви А., Давыдова Е. Положение потерпевшего в уголовном процессе: нужна конкретизация // Законность. 2009. № 2. С. 37–40.

5. Мельников В.Ю. Безопасность и защита прав и свобод потерпевших // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 39-41.

6. Плясунова А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. С. 26.

7. Рыжаков А.П. Потерпевший: понятие, права и обязанности: науч.-практ. руководство. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 288 с.

8. Хупсергенов Х.М. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 30 с.

Информация об авторе

Попова Елена Ильинична – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, д.13, кв. 67; e-mail: popovaelena2005@rambler.ru.

Information about the author

Popova Elena Ilinichna – PhD (Law), Associate Professor, Department Criminal Law East Siberian State University of Technology and Management. 670000, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Borsoeva d. 13, kv. 67. e-mail: popovaelena2005@rambler.ru.

**ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ПРАВОСУДИЯ**

Статья посвящена проблеме повышения доверия граждан к правоохранительной системе. Автор пытается доказать, что законодательные изменения в сфере уголовного судопроизводства оказывают огромное влияние на веру граждан в справедливое правосудие. Необходимо разработать систему действенного контроля за ходом предварительного расследования, а также расширить правовые возможности участия граждан в отправлении правосудия сотрудничества с органами, осуществляющими предварительное расследование. Для этих целей автор предлагает развивать гражданское общество в России. Необходимо совершенствовать уже существующие институты гражданского общества в данной сфере, а также формировать новые. Кроме того, проведение разъяснительной работы с гражданами по поводу их прав и обязанностей будет способствовать реализации законов. Эффективность введенных изменений напрямую зависит от одобрения их со стороны общества.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданское общество, правоохранительные органы, суд присяжных заседателей, досудебное соглашение о сотрудничестве, понятия.

D.O. Chistilina

**THE INFLUENCE OF SOCIETY ON THE EFFECTIVENESS
OF JUSTICE**

The article is devoted to the problem of improving citizens' trust in the law enforcement system. The author tries to prove that the legislative changes in the sphere of criminal procedure have a huge impact on the faith of the citizens in a fair justice. It is necessary to develop a system of effective control of the preliminary investigation, and to expand the legal possibilities for citizens of participation in the administration of justice and

cooperation with agencies conducting the preliminary investigation. The author proposes to develop civil society in Russia for these purposes. You need to improve the existing institutions of civil society in this sphere, as well as to establish new ones. In addition, the explanatory work with the citizens about their rights and responsibilities will contribute to the implementation of laws. The effectiveness of the changes depends on the approval by the society.

Keywords: criminal procedure, civil society, law enforcement, the trial by jury, pretrial agreement on cooperation, attesting witnesses.

Реформы законодателя во все времена имели огромное значение для общества. Неоспоримо, что любое изменение должно быть апробировано в социальной среде, иначе на выходе мы получим мертвый закон, который не будет исполняться. Немаловажным является и то, что общество должно одобрить и принять положения закона для эффективного функционирования последнего. Особое значение это имеет в сфере уголовного судопроизводства, где справедливое и обоснованное решение суда оказывает значительное влияние на отношение людей к правосудию.

В современной России, к сожалению, существует проблема низкого уровня доверия граждан к правоохранительной системе. Это явление можно объяснить множеством факторов. На наш взгляд, основным из них является непоследовательность в проведении реформ в сфере уголовного процесса [1, с. 4].

Над вопросом повышением доверия граждан к правоохранительной системе и правосудию в целом на протяжении нескольких лет работали Петербургский Институт проблем правоприменения и правозащитный Комитет гражданских инициатив, подготовившие в 2013 г. концепцию комплексной реформы правоохранительной системы в России. В ней высказаны радикальные предложения по преобразованию и даже упразднению некоторых органов, а также перераспределению их функций с целью усиления гарантий их непредвзятости. Кроме того, вносились предложения, касающиеся деформализации предварительного расследования, а также усматривалось предложение об исключении стадии возбуждения уголовного дела¹. Кон-

---

¹ Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ // URL: http://polit.ru/media/files/2013/11/11/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf (дата обращения: 21.02.2016).

цепция не была принята к реализации, однако уже в начале 2014 г. законодатель предоставил гражданам возможность принять непосредственное участие в охране общественного порядка.

Это стало возможным благодаря принятию ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ, регламентирующего деятельность народных дружин и внештатных сотрудников полиции. Данные лица были наделены полномочиями, позволяющими им наряду с сотрудниками правоохранительных органов осуществлять функции по охране общественного порядка.

Бесспорно, что вовлечение молодежи в данный процесс, а также реализация программы по правовому просвещению являются приоритетными направлениями социальной политики государства. Авторами был проведен социологический опрос в виде анкетирования среди 65 студентов вуза в возрасте от 19 лет до 21 года. Целью исследования являлось выявление готовности молодых людей быть членами народной дружины, а также рассмотрение вопроса их информированности о существовании подобного рода организаций. К сожалению, вступить в ряды народной дружины изъявили желание лишь 37% респондентов, что свидетельствует о пассивности граждан не только в отстаивании своих прав, но и в поддержании правопорядка в обществе. Большинство же опрошенных (61,5%) вообще не знало о существовании народной дружины у себя в городе. Это еще раз подтверждает, что недостаточно принятия одного закона, чтобы правовой институт начал действовать. Гражданам необходимо разъяснять существо предоставленных им прав и указывать пути их реализации.

Общепринято, что уголовное судопроизводство является публичной сферой, но постепенно в этой области появляются институты, расширяющие частные начала, которые успешно приживаются и разгружают работу правоохранительной системы в целом. Необходимо поддерживать данную положительную тенденцию, позволив гражданам проявлять свою активность в этой сфере и разрешать большинство социальных конфликтов без вмешательства государства.

На наш взгляд, реформирование должно проводиться по трем основным направлениям: во-первых, контроль за ходом предварительного расследования, во-вторых, оказание помощи следствию, в-третьих, участие граждан в отправлении правосудия.

Следует начать с такого правового института, который в недавнее время подвергся значительному реформированию. Речь идет об институте понятых, участие которых в начале 2013 г. в некоторых

следственных действиях было ограничено. Фактически осталось четыре следственных действия, где их участие обязательно, так как они в наибольшей степени затрагивают основные права и свободы граждан. В остальных же случаях понятия были заменены техническими средствами фиксации, что имеет положительные черты, однако и таит в себе опасность злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц [2, с. 163-164]. На наш взгляд, для усиления гарантий при проведении всех следственных действий необходимо наряду с участием понятых допустить обязательное использование технических средств. Кроме того, необходимо создать специальную независимую от правоохранительных органов службу, занимающуюся фиксацией и обработкой информации, полученной с помощью технических средств. Данные нововведения позволят гражданам лишней раз проявить свою активность.

Основным направлением сотрудничества со следствием является институт досудебного соглашения о сотрудничестве, содержащий в себе как положительные, так и отрицательные черты. Позитивный момент заключается в том, что он направлен на борьбу с организованной преступностью и с момента начала его функционирования с его помощью были раскрыты наиболее опасные преступления. Однако законодательные несовершенства препятствуют его дальнейшему распространению. Негативным моментом является правовая незащищенность подозреваемых, обвиняемых. Следственные органы могут отказаться сотрудничать, используя полученную информацию пусть не как доказательство, но как направление дальнейшего расследования. Тем самым нарушается важнейшее право обвиняемого на свободу от самоизобличения, закрепленное в ст. 51 Конституции РФ и ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [3, с. 143-145]. Кроме того, зачастую досудебные соглашения заключаются с лицами, имеющими пороки воли, что также не повышает авторитет данного института.

На наш взгляд, для преодоления большинства проблем необходимо в каждом регионе создать независимый правозащитный комитет, состоящий из активных неравнодушных граждан и профессиональных юристов. В его задачи будет входить не только оказание правовой помощи гражданам по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и разъяснение его правовой природы, но и контроль над тем, добровольно ли подозреваемый, обвиняемый заключает его; выполнил ли прокурор свою часть соглашения и т.д.

Действенным институтом участия граждан в осуществлении правосудия является институт присяжных заседателей, который нивелирует большинство негативных черт, присущих профессиональному судье, ярко «высвечивает» традиционные недостатки предварительного следствия и реагирует на них оправдательным вердиктом [4].

Стоит отметить, что при всех положительных аспектах данный институт не пользуется популярностью среди населения. Причиной тому, на наш взгляд, являются законодательные решения, положенные в основу функционирования данного института. Прежде всего, это определение его подсудности. На её ошибочность неоднократно указывали многие исследователи в области уголовного процесса. Например, В.В. Конин предлагал основываться на нравственном критерии, то есть суд присяжных должен рассматривать преступления, совершаемые в социально-бытовой среде, что позволило бы распространить его действие и на районные суды, где порицание со стороны окружающих будет давать больший стимул для исправления преступника [5, с. 62-63].

Одной из последних корректив, внесенных законодателем по поводу подсудности суда присяжных, является исключение дел о половой неприкосновенности несовершеннолетних. ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» были изъяты ч. 4-5 ст. 131, ч. 4-5 ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ из их подсудности. Считается, что присяжные заседатели не обладают специальными знаниями и не разбираются в возрастной психологии, поэтому поведение подсудимого может привести к заблуждению по поводу его виновности¹. Однако профессиональный судья также не является профессионалом в данной области, поэтому нельзя недооценивать присяжных заседателей и ставить под сомнение их объективность.

Вместо того, чтобы изменить критерии, положенные в основу определения подсудности суду присяжных и попытаться преобразовать этот правовой институт, законодатель сужает его подсудность,

---

¹ Родителям, присяжным и журналистам запретят отстаивать права несовершеннолетних потерпевших
[//URL:http://rysarhipelag.ucoz.ru/news/roditeljam_prisjazhnym_i_zhurnalistam_zapr_etjat_otstaiwat_prava_nesovershennoletnikh_potervevshikh/2013-03-30-8531](http://rysarhipelag.ucoz.ru/news/roditeljam_prisjazhnym_i_zhurnalistam_zapr_etjat_otstaiwat_prava_nesovershennoletnikh_potervevshikh/2013-03-30-8531) (дата обращения: 12.02.2016).

что ограничивает сферу его действия. Вследствие этого количество дел, которые он рассматривает, представляется незначительным.

Некоторые судьи Конституционного суда РФ также выразили особое мнение по вопросу изъятия из подсудности суда присяжных некоторых категорий дел. Например, судья В.Г. Ярославцев считает, что «компетентность присяжных заседателей подтверждает анализ судебной практики, который свидетельствует о том, что ошибки, повлекшие за собой отмену приговоров, в большей степени допускались не присяжными заседателями, а профессиональными судьями, обвинителями, защитниками и следственными органами»¹. Получается, что сами судьи признают законодательные ошибки и призывают к пересмотру правовой регламентации суда присяжных.

В недавнем законопроекте было предложено не только сократить число присяжных, но и видоизменить данный институт, превратив его в суд шеффенов, где присяжные совместно с судьей разрешают вопросы о виновности подсудимого и о наказании за совершенное деяние [6, с. 68-69]. В таких судах представители народа лишаются самостоятельности при принятии решения, так как их работу будет направлять профессиональный судья, который неизбежно будет навязывать им свое мнение, давая собственным авторитетом. По мнению С.А. Пашина, создание в районных судах усеченных коллегий, которые будут принимать решение вместе с судьями, не даст положительных результатов, так как присяжные станут работать по указаниям судьи, что приведет к ликвидации суда присяжных как такового².

Пока данные положения не приняты законодателем, однако это означало бы значительный шаг назад в распространении суда присяжных в России и возрождению его правового предназначения.

Помимо вышеперечисленных изменений существовало еще несколько предложений по реформированию уголовно-процессуального законодательства, затрагивающего социальную

---

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 3.

² Верховный суд предложил сократить число присяжных до семи человек. URL: <http://top.rbc.ru/politics/19/02/2015/54e5eed29a79471677ca7dd1> (дата обращения: 10.02.2016).

сферу. Прежде всего, это введение института следственных судей. Сторонники его утверждают, что деятельность следственных судей поможет преодолеть бюрократизм, предоставит больше гарантий для проведения объективного предварительного расследования, а также даст возможность адвокатам проводить свое параллельное адвокатское расследование.

Согласно идее, заложенной в концепции, следственный судья действует на протяжении всей стадии предварительного расследования, судебная функция осуществляется им эпизодически, без принятия дела к своему производству на постоянной основе, а лишь в форме состязательных (как правило, в форме судебных заседаний с участием обеих сторон) судебных следственных действий, а также судебных слушаний (по предъявлению обвинения, решению вопросов о мерах пресечения, рассмотрению ходатайств и жалоб, преданию обвиняемого суду). Стороны же в равной степени могут принимать участие в процессе собирания доказательств. Доказательства, закрепленные следственным судьей даже можно не оглашать в ходе судебного разбирательства, что выглядит абсурдно, так как попирает условие непосредственности, закрепленное в ст. 240 УПК РФ. Кроме того, решение о возможности проведения того или иного следственного действия будет зависеть от следственного судьи, являющегося нейтральной фигурой в процессе расследования [7, с. 19]. Безусловно, данное обстоятельство повысит гарантии соблюдения прав и свобод подозреваемых, обвиняемых, а также будет способствовать всесторонности, полноте и объективности при расследовании уголовного дела.

Не совсем понятно, что же станет с такими институтами, как досудебное соглашение о сотрудничестве, общественными помощниками следователя. Разумным в этой ситуации, конечно, будет переложение функций по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве на следственного судью, который и без того будет загружен [8]. Также сразу возникает необходимость создания института общественного помощника следственного судьи, который будет оказывать организационное содействие при расследовании. Таким образом, можно будет расширить возможности участия граждан в уголовном судопроизводстве. Однако необходимо еще раз обдумать правовые и социальные последствия внедрения в российский уголовный процесс подобной процессуальной фигуры.

Существующие предложения по реформированию законодательства в сфере уголовного судопроизводства так или иначе направлены на обеспечение гарантий прав участников процесса. Однако неизбежно вытекает вывод о том, что граждане должны принимать активное участие на протяжении всего уголовного процесса. Только в этом случае можно будет повысить уровень доверия населения к правосудию. Шаги законодателя в деле реформирования сферы уголовного судопроизводства должны быть тщательно обдуманы, а также необходимо учитывать то, какой социальный эффект они будут иметь.

Список использованной литературы

1. Козявин А.А. Уголовная юстиция и диалектика морали // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 2-5.
2. Пешков М.А. Участие понятых в некоторых следственных действиях в уголовном процессе Российской Федерации стало обязательным // Новый юридический журнал. 2013. № 3. С. 162 - 167.
3. Пиюк А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве российской федерации в свете типологии современного уголовного процесса: монография. Томск: Томский государственный университет, 2011. 201 с.
4. Рябина Т.К., Козявин А.А. Итоги судебных реформ в России XIX и XXI веках и их роль в решении проблем пределов судебного разбирательства в уголовном процессе // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 1. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19971> (дата обращения: 20.02.2016).
5. Конин В.В. Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей. М., 2010. С. 60-65.
6. Прадель Ж. Суд присяжных во Франции и России // Уголовное право. 2011. № 1. С. 67-69.
7. Рябина Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 17-21.
8. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // URL: <http://www.iuaj.net/node/1668> (дата обращения: 04.02.2016).

Информация об авторе

Чистилина Дарья Олеговна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, 305018, г. Курск, ул. Серегина, д. 18, кв. 71; e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Information about the author

Chistilina Darya Olegovna – graduate of Criminal Procedure and Criminalistics Department of Southwest State University, 305018, Kursk, Seregina str., house 18, apartment 71; e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

---

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

УДК

Г.А. Василевич

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗНОГЛАСИЙ И ПУТИ ЕЕ ОТМЕНЫ

В статье анализируется законодательство и правоприменительная практика, касающиеся применения смертной казни. Отражены изменения уголовного законодательства в этой области за последние годы. Проанализировано развитие криминогенной ситуации, которая оказывала влияние на динамику применения смертной казни. Показано влияние Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь на изменения и дополнения Уголовного кодекса Республики Беларусь. Предложены оптимальные варианты решения вопроса об отмене смертной казни в Республике Беларусь.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовное право, уголовная ответственность, наказание, смертная казнь.

G.A. Vasilevich

DEATH PENALTY: OVERCOMING DIFFERENCES AND WAYS OF ITS CANCELLATION

The article examines the law and practice relating to the use of the death penalty. It reflects changes in the criminal legislation in this area in recent years. It analyzed the development of the crime situation, which influenced the dynamics of the death penalty. The influence of the conclusions of the Constitutional Court on amendments of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The optimal solutions to the issue of abolishing the death penalty in Belarus.

Keywords: criminal law, criminal law, criminal responsibility, punishment, death penalty.

Вопрос о смертной казни как мере уголовной ответственности за особо тяжкие преступления был предметом тщательного обсуждения при подготовке новой Конституции Беларуси в течение 1990-1994 годов. Известно, что не только в царской России, но и после

свержения монархии, а также в советский период принимались решения об отмене смертной казни. Однако эти гуманные акты действовали недолго и государство возвращалось к восстановлению данного наказания. В проекте Конституции, подготовленном рабочей группой по состоянию к сентябрю 1991 г. вопрос о смертной казни фиксировался следующим образом: гражданин Белорусской ССР (на тот момент еще не был принят закон о переименовании нашего государства в Республику Беларусь) имеет право на жизнь. Никто не может быть лишен жизни иначе как по приговору суда в качестве исключительной меры наказания в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 57 проекта) [1, с. 65]. То есть, предусматривалась широкая формулировка, отдающая на усмотрение законодателя определение «случаев», в связи с которыми могло быть установлено лишение жизни по приговору суда. В редакциях проекта, рассмотренном на заседании конституционной комиссии 30 сентября 1991 г. [1, с. 88], а также в проекте, одобренном в первом чтении 11 ноября 1991 г. [1, с. 116], последующих проектах от 6 апреля 1992 г. [1, с. 142], от 8 октября 1992 г. [1, с. 165] соответствующие нормы (ст. 24, ст. 25) звучали следующим образом: неотъемлемым правом каждого человека является право на жизнь. Республика защищает от незаконных посягательств на жизнь и здоровье человека. Такая редакция свидетельствовала о желании уйти от какого-либо упоминания о смертной казни (лишении жизни по приговору суда). Однако сама формулировка, согласно которой «республика защищает от незаконных посягательств на жизнь и здоровье человека», могла быть истолкована еще шире, нежели это было в самом первом проекте, т.е. подготовленном к сентябрю 1991 г.

Впервые близкая к нынешнему содержанию статьи 24 действующей Конституции редакция (также статья за номером 24) появилась в проекте Конституции по состоянию на 11 марта 1993 г. Согласно ст. 24 каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств. Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за тяжчайшие преступления и только по приговору суда. В этой статье речь шла о «тяжчайших» преступлениях [1, с. 188]. В проекте по состоянию на 4 мая 1993 г. первые две части статьи 24 остались неизменными, а третья часть была изложена следующим образом: смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за

особо тяжкие преступления и только по приговору суда [1, с. 210]. Эта формулировка, как более точная, вошла в окончательную редакцию проекта Конституции, принятую Верховным Советом Республики Беларусь 15 марта 1994 года.

Упоминание в Конституции Республики Беларусь смертной казни как вида уголовного наказания было обусловлено, прежде всего, криминогенной ситуацией. Имелось в виду карать смертной казнью не только за убийство человека при отягчающих обстоятельствах, но и за некоторые иные преступления. В настоящее время согласно статье 59 Уголовного кодекса Беларуси смертная казнь в стране в качестве исключительной меры наказания допускается в виде расстрела за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах (до отмены смертной казни). В частности, она предусмотрена за теракт против представителя иностранного государства; международный терроризм; геноцид; преступления против безопасности человечества; применение оружия массового поражения; нарушение законов и обычаев ведения войны; убийство из корыстных побуждений, либо по найму, либо сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; терроризм; измену государству; заговор или иные действия с целью захвата власти; теракт; диверсию; убийство сотрудника внутренних дел. При этом казнить запрещено женщин, а также мужчин, совершивших преступления в возрасте до 18 лет или достигших ко дню постановления приговора 65 лет.

Если обратиться к статистике убийств, которые наиболее точно отражали и общее состояние дел в криминогенной сфере, то она свидетельствует о постоянном нарастании в конце 20 столетия таких преступлений. В советский период в некоторые годы их количество не превышало 300 (с 1961 по 1969 г.г., исключая 1963 г., когда было совершено 313 убийств). Затем шло нарастание этих преступлений. Так, с 1980 г. по 1984 г. ежегодно совершалось более 500 убийств. Введение в действие в середине 1985 г. так называемого антиалкогольного законодательства позволило по итогам 1986 года снизить количество убийств до 339, в 1987 году их было еще меньше – 335. Затем, с началом «перестройки» стал очевидным постоянный и существенный рост такого рода особо тяжких преступлений: с 567 в 1989 году до 952 в 1994 году, т.е. в год когда была принята Конституция уже независимой Республики Беларусь. (В 1993 году было совершено 885 убийств). На этом фоне разработчики проекта Консти-

туции другую редакцию статьи 24 гражданам не могли предложить. Могу сказать, что особых возражений против смертной казни ни в рабочей группе, ни в конституционной комиссии не было.

Руководству нашей республики понадобилось много лет, чтобы обуздать преступность, в том числе такие ее крайние проявления как убийства: в период с 1995 по 2006 год включительно число ежегодно совершаемых убийств значительно превышало тысячу либо в отдельные годы было на грани этого показателя. В 1998 году был «пиковый» (наивысший) показатель – 1228 убийств. В 2003-2004 годы, т.е. период, который предшествовал принятию Конституционным Судом Республики Беларусь 11 марта 2004 года заключения № з-171/2004 «О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни» [2], было совершено соответственно 1057 и 989 убийств.

Конечно, в конце 90-х годов прошлого столетия и начале 20-го века наше уголовное законодательство претерпевало определенные изменения в сторону его гуманизации. Как уже отмечалось, в 1999 году был принят новый Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК). Были сокращены составы преступлений, за которые могло быть назначено наказание в виде смертной казни, сужался круг лиц в отношении которых она могла быть применена. В качестве альтернативы смертной казни в нем было сохранено введенное еще в 1997 году пожизненное заключение. (Правда, законодатель по какой-то причине в УК не дал определение ни лишения свободы, ни пожизненного заключения. Зато дал определение, что такое штраф, исправительные работы).

При определении своей позиции Конституционный Суд исходил, прежде всего, из содержания конституционной нормы (ст. 24). Существенное восприятие на ее уяснение, определение вектора реализации в текущем законодательстве конституционных норм, на мой взгляд, оказывали криминогенные процессы и в определенной мере результаты консультативного референдума 24 ноября 1996 года вопросу о возможной отмене смертной казни. Как известно, 80,44 процента граждан, принявших участие в референдуме по данному вопросу, высказались против ее отмены.

При подготовке Заключения Конституционным Судом была проведена глубокая аналитическая работа. В нем отмечено, что начи-

ная с 1917 г. смертная казнь отменялась трижды: в 1917, в 1920 и в 1947 гг. Однако каждый раз через некоторое время после принятия актов об отмене смертной казни ее применение восстанавливалось, что в определенных исторических условиях объяснялось необходимостью усиления борьбы с особо опасными преступлениями. В соответствии с УК БССР 1928 г. это наказание могло быть применено за совершение свыше 60 видов преступлений. В УК 1960 г. круг преступлений, за которые можно было применить смертную казнь, был существенно сокращен, но все же оставался достаточно широким. Это наказание предусматривалось за совершение более чем 30 видов преступлений (включая воинские), в том числе и не сопряженных с умышленным лишением жизни человека. Вместе с тем и в УК 1928 г., и в УК 1960 г. закреплялся временный характер смертной казни.

Начиная с 90-х годов XX ст. законодатель, следуя международным тенденциям, пошел по пути последовательного сужения сферы применения смертной казни, исключив ее, прежде всего, из санкций статей УК предусматривающих ответственность за преступления, не сопряженные с умышленным посягательством на жизнь человека. Сужение сферы применения смертной казни осуществлялось параллельно с расширением круга лиц, которым не могло быть назначено это наказание.

В УК Республики Беларусь, принятом 9 июля 1999 г. и введенном в действие с 1 января 2001 г., смертная казнь предусмотрена в качестве исключительного наказания (статья 59). При этом в УК более чем в два раза сокращена сфера применения этого наказания по сравнению с ранее действовавшим УК. Оно допускается лишь за совершение особо тяжких преступлений, сопряженных с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах.

Конституционный Суд посчитал, что при оценке вопроса о смертной казни следует учитывать правовую систему государства, его традиции и историю, условия, в которых формулировались нормы законов, их изменение, а также состояние преступности на современном этапе. Было отмечено, что, несмотря на применение смертной казни, и других суровых наказаний в республике имел место рост преступных посягательств на жизнь человека. Превентивная же роль смертной казни, взаимозависимость ее применения и уровня совершаемых убийств фактически не прослеживаются. Наоборот, рост числа убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах, при наличии которых законом предусмотрена возможность назначения

смертной казни, приходился в основном на те годы, когда это наказание применялось сравнительно в большом объеме. Например, в период с 1994 г. по 1998 г. количество приговоренных к смертной казни увеличивалось (25, 37, 29, 46, 47 человек), но наряду с этим росло и число лиц, осуждаемых за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах (278, 345, 411, 480, 517 человек). Однако, несмотря на то, что в 2002 г. к смертной казни было приговорено 4 человека, в 2003 г. количество зарегистрированных в республике убийств, в том числе и покушений на убийство, по сравнению с 2002 г. снизилось на 104 преступления.

Конституционный Суд констатировал, что ни практика, ни научные исследования не выявили зависимости совершаемых убийств от степени использования в государстве смертной казни и не определили уровень ее устрашающего эффекта. Этот факт находит свое подтверждение и в других государствах, что явилось для них одним из достаточно серьезных аргументов в пользу отмены смертной казни. По своей природе смертная казнь не может обеспечить достижения и других целей уголовной ответственности: исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения им новых преступлений.

Конституционный Суд обращает внимание на то, что при решении вопроса о применении смертной казни не могут быть полностью исключены ошибки в признании лица виновным в совершении преступлений, за которые оно осуждается к этому наказанию. И надо отметить, что в современной истории нашей республики (БССР) такие примеры были.

Конституционный Суд считает, что для обеспечения безопасности общества, недопущения рецидива со стороны лиц, совершающих умышленные посягательства на жизнь при отягчающих обстоятельствах, государство обладает достаточно эффективными уголовно-правовыми средствами, позволяющими изолировать преступников от общества и тем самым не допустить совершения ими новых преступлений. Такими средствами воздействия, в частности, на убийц в Республике Беларусь, как и во многих других странах, являются наказания в виде пожизненного заключения либо лишения свободы, назначаемого на срок до 25 лет. Именно этим наказаниям, и прежде всего лишению свободы, назначаемому на длительные сроки, суды отдают предпочтение при вынесении приговоров лицам, осуждаемым за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением

жизни при отягчающих обстоятельствах. В структуре наказаний, назначаемых за указанные преступления, удельный вес лишения свободы составляет более 90%. Например, в 2001 г. он составил 96%, в 2002 г. – 95% и в 2003 г. – 96%. Пожизненное заключение в эти годы было назначено соответственно 2,3%, 4,2%, 2,6% от общего количества осужденных за такие преступления. Между тем приоритетное использование судами в качестве карательной меры лишения свободы в отношении опасных преступников, посягающих на жизнь человека, не ставит под угрозу безопасность общества, обеспечение задач борьбы с преступностью.

Конституционный Суд отметил, что решению задачи защиты общества от преступных посягательств, и прежде всего от умышленных посягательств на жизнь человека, должно способствовать повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, направленной, в том числе, и на оптимальную реализацию принципа неотвратимости ответственности, повышение уровня раскрываемости указанных преступлений, обеспечение сбалансированности уголовной политики в отношении преступников, посягающих на жизнь человека.

Конституционный Суд принял во внимание то обстоятельство, что ни отмена смертной казни вообще, ни объявление моратория на ее применение или исполнение, осуществленные в других государствах, и прежде всего в государствах, входивших ранее в состав СССР, состояние и динамика преступности в которых не имеют существенных различий, не вызвали взрыва криминогенной обстановки и не повлекли роста убийств. Не осложнилась криминогенная ситуация в Республике Беларусь и в 2000 – 2003 гг., когда применение смертной казни было сведено к единичным случаям. При этом уровень судимости за убийства при отягчающих обстоятельствах в эти годы по сравнению с годами, когда смертная казнь применялась в сравнительно большем объеме, снизился.

Было также отмечено, что согласно статье 8 Конституции Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. В силу этого Республика Беларусь не может не учитывать тенденций и процессов, связанных с отменой смертной казни, происходящих в мировом сообществе, либо находиться в стороне от этих процессов. В преамбуле Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направ-

ленного на отмену смертной казни, принятого резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 г., государства – участники Протокола отметили, что отмена смертной казни способствует укреплению человеческого достоинства и прогрессивному развитию прав человека. Государства-участники убеждены в том, что все меры по отмене смертной казни следует рассматривать как прогресс в обеспечении права на жизнь. В статье 1 Протокола указано, что ни одно лицо, находящееся под юрисдикцией государства – участника этого Протокола, не подвергается смертной казни (пункт 1); каждое государство-участник принимает все необходимые меры для отмены смертной казни в рамках своей юрисдикции (пункт 2). Парламентская Ассамблея Совета Европы установила практику предъявления требования государствам, выразившим желание стать членом Совета Европы, вводить мораторий на применение приговоров о смертной казни, исключать из национального законодательства это наказание, подписать и ратифицировать Протокол № 6 к Европейской Конвенции относительно отмены смертной казни.

Согласно Протоколу № 13 к Европейской Конвенции, касающемуся отмены смертной казни при любых обстоятельствах, который подписан государствами – членами Совета Европы 3 мая 2002 г. в Вильнюсе, провозглашена полная отмена смертной казни, в том числе и за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны. В преамбуле указанного Протокола говорится, что право каждого человека на жизнь является основной ценностью в демократическом обществе и что отмена смертной казни существенна для защиты этого права и для полного признания присущего людям достоинства. Полная отмена этого наказания в государствах – членах Совета Европы осуществлена в целях усиления защиты права на жизнь, гарантированного Европейской Конвенцией.

Конституционный Суд также отметил, что решения об отмене смертной казни в указанных государствах принимались обычно их представительными органами либо органами конституционного контроля. При этом европейские конституционные суды принимали соответствующие решения в условиях, когда их государства были приняты в Совет Европы либо вопрос о приеме их в эту организацию был предрешен. В связи с этим Европейская Конвенция и протоколы к ней для них были обязательными.

Конституционный Суд обратил внимание на то, что Республика Беларусь, даже не являясь членом Совета Европы, в последние годы

последовательно проводит активную позицию по ограничению смертной казни как на законодательном уровне, так и на практике, что соответствует требованиям, предусмотренным в международных актах. По существу, она приблизилась к решению данного вопроса, а вступление в Совет Европы и подписание в первую очередь Европейской Конвенции, протоколов № 6 и № 13 к ней предполагает безусловное принятие решения об отмене смертной казни.

Поэтому Конституционный Суд признать пункт 11 части первой статьи 48 и статью 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь не соответствующими Конституции Республики Беларусь в части отсутствия в них указания на временный характер смертной казни. В Заклучении зафиксировано, что часть третья статьи 24 Конституции Республики Беларусь, установившая возможность применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания лишь до ее отмены, позволяет принять решение об объявлении моратория на применение смертной казни или о полной отмене этого наказания.

Исходя из содержания данной нормы, динамики преступности, необходимости выполнения Рекомендаций Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по вопросу о смертной казни, принятых постановлением Палаты представителей от 13 июня 2002 г., а также учитывая, что Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах не ратифицирован Республикой Беларусь, не решен вопрос о ее полноправном членстве в Совете Европы и в силу этого не подписаны и не ратифицированы европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и соответствующие протоколы к ней, что обусловило бы в силу статей 8 и 116 Конституции Республики Беларусь верховенство указанных международных актов в системе национального права, Конституционный Суд полагает, что в современных условиях вопрос об отмене этого вида наказания или как первом шаге – об объявлении моратория на его применение может быть решен Главой государства и Парламентом.

Как же развивалась криминогенная ситуация в дальнейшем, после принятия данного Заклучения? Не сразу, но постепенно ситуация стала меняться к лучшему. В течение 2007 года было совершено 791 убийство. В течение четырех последующих годов в период работы автором статьи в системе прокуратуры (2008-2011 гг.) их количество снизилось почти вдвое (на 49 процентов) и составило 404. Правда в последние годы отмечается некоторый (незначительный) рост этих

преступления: в 2013-2015 годы совершено соответственно 410, 434, 422 убийства. Если обратиться к наказанию за указанные преступления, то показатели за последние пять лет следующие: 2011 год – 3 приговора к смертной казни, 4 к пожизненному заключению, 2012 – 0 и 4, 2013 – 2 и 2, 2014 – 2 и 0, 2015 – 2 приговора к смертной казни (один к моменту подготовки данного анализа не вступил в силу). На март 2016 года вынесено два приговора к смертной казни (оба пока не вступили в силу). Кстати, то обстоятельство, что в 2012 году не было вынесено ни одного приговора о смертной казни, отрицательно не сказалось в целом на преступности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в нашей республике наметилась явная тенденция снижения количества приговоров к смертной казни: в сравнении с 1997 и 1998 года количество ежегодно выносимых приговоров уменьшилось более чем в двадцать раз. Последние 5-8 лет являются прорывными в решении вопроса о смертной казни в Республике Беларусь. Заключение Конституционного Суда от 11 марта 2004 года предвосхитило ту общую тенденцию, которая характерна для развития правовой системы и общественного сознания. Оно принято в русле этой тенденции и точного восприятия конституционных норм, а также принципов и норм международного права.

В некоторых случаях в качестве контраргумента относительно необходимости отказа от смертной казни как вида уголовного наказания ссылаются на упомянутые результаты референдума 1996 года.

Однако следует иметь в виду абсолютно неслучайное и по сути согласованное Президентом и Верховным Советом определение того, что в отличие от других вопросов, выносимых тогда на референдум (всего их было семь), имевших императивный характер, этот вопрос выносился как консультативный. Кроме того, основное внимание и время на дискуссии были затрачены на иные вопросы, прежде всего, относительно двух альтернативных законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию в редакции от 15 марта 1994 года. Данному вопросу было уделено намного меньше внимание. Референдум проходил в условиях, когда в УК в качестве альтернативы смертной казни предусматривалось только лишение свободы на срок до 15 лет, то есть наказание, явно не соответствующее характеру и степени общественной опасности умышленных убийств, совершаемых при отягчающих обстоятельствах. Пожизненное заключение как исключительное и альтернативное смертной казни наказание было введено только в декабре 1997 г.

Поэтому следует в нынешних условиях больше работать с населением, разъясняя ему последствия как позитивные, так и издержки отмены смертной казни в Республике Беларусь. По некоторым данным, проведенные в последнее время опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что за сохранение смертной казни уже высказывается значительно меньшее число граждан, чем это было при голосовании на референдуме в 1996 году. Так, утверждается, что почти 33% белорусов не знают, что в Беларуси применяется смертная казнь. Из них 9,7% считают, что смертная казнь у нас отменена, 7,1% – что смертная казнь не применялась уже много лет, 5,5% – что в стране действует мораторий. 10,5% вообще затруднились с ответом. К таким результатам пришли авторы исследования, изучавшего отношение белорусов к смертной казни. На прямой вопрос об отмене смертной казни более половины опрошенных жителей Беларуси – 63,8% – выступают в поддержку ее применения [3].

В последние десятилетия мировой стала тенденция к отмене смертной казни или сокращению ее применения характерна. В соседних с Беларусью странах людей не казнят уже более 15 лет. Так, в Польше последний смертный приговор привели в исполнение в 1988 году, в Литве – в 1995-м, в России и в Латвии – в 1996-м, в Украине – в 1997-м.

Если отменять смертную казнь в нашей республике, то какие шаги на этом пути могут быть сделаны? Вариантов решения данного вопроса может быть несколько: от радикальных до «пошаговых». Все они вписываются в конституционные рамки и не требуют корректировки Основного Закона. То есть задержки по этой причине быть не может. Главное здесь политическая воля руководства государства (Президента Республики Беларусь). Учитывая, что по форме правления наша республика является президентской, выбор вариантов и времени принятия решения за Главой государства.

На его рассмотрение может быть предложен радикальный вариант – полная отмена смертной казни посредством исключения этого наказания из Уголовного кодекса. При приеме в Совет Европы тем более потребуются это сделать, исходя из действующих здесь решений. Однако и без вступления в Совет Европы можно развивать наше законодательство с учетом лучших и приемлемых для нас стандартов.

Второй вариант – ее сохранение, но принятие решения в виде закона или декрета на приостановление исполнения вынесенных приговоров о смертной казни. Это, конечно, создает дополнительные

«испытания» для осужденных в связи с ожиданием исполнения приговора (хотя отметим, что в США есть примеры, когда осужденные ждут исполнения смертного приговора десятилетиями). В то же время у таких лиц появляется надежда на сохранение жизни. Этот вариант позволяет отреагировать в будущем на развитие криминогенной ситуации, сохраняя возможность использования этой исключительной меры наказания как по отношению к тем, кому уже вынесены такие приговоры, так и к тем, кто совершил деяние, предусматривающее соответствующую санкцию.

Третий вариант – принятие закона о временном приостановлении применения норм Уголовного кодекса, предусматривающих смертную казнь. Причем возможны два варианта концепция этого закона. Первая – принимается закон о временном приостановлении применения норм о смертной казни до принятия окончательного решения (без указания срока его действия). (На наш взгляд, неприемлемо решение такого важно вопроса на уровне Пленума верховного Суда Республики Беларусь с рекомендацией судам не применять данный вид наказания). Вторая – принимается закон, отменяющий смертную казнь на определенный период, например, до 31 декабря 2016 или 31 декабря (1 июля) 2017 года. В преддверии указанной даты государство может принять решение о пролонгации такого решения (закона) либо, исходя из складывающейся ситуации, его не продлевать и тогда закон автоматически утрачивает юридическую силу, а смертная казнь автоматически восстанавливается. Однако она не может быть применена к тем лицам, которые хотя и совершили в период моратория деяние за которое ранее была предусмотрена смертная казнь, но ее применение было приостановлено.

Не исключаем и другие варианты решения данного вопроса. Однако опыт не только стран западной европейской демократии, но и бывших республик СССР свидетельствует, что смертная казнь в современных условиях утрачивает свое значение и все больше государств ее отменяют. Государства, входящие в СНГ, Союзное государство, Евразийский экономический союз на конституционном уровне отменили смертную казнь. Такое решение принято уже много лет назад в России, Казахстане, Кыргызской республике, Узбекистане, Монголии и др. Общее количество стран, где применяется высшая мера наказания, как сообщила Amnesty International в своём ежегодном обзорном докладе за 2011 г. сократилось за последнее десятилетие более чем на треть [4].

Однако есть и другая практика. Так, по данным международной правозащитной организации Amnesty International, за 2012 год в мире были казнены 628 заключенных, что на два человека больше, чем в 2011-м. Были вынесены как минимум 1722 новых смертных приговора в 58 странах мира. В то же время в 2011 году к смертной казни были приговорены 1923 человека в 63 странах мира. США остаются единственной страной в Северной и Южной Америке, практикующей смертную казнь, отмечается в ежегодном докладе организации, опубликованном в апреле этого года [5].

Отмена смертной казни, на наш взгляд, может сопровождаться, как показывает опыт зарубежных государств, изменением полномочий и практики выполнения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел. Если сопоставить практику задержания предполагаемых преступников у нас и в США, Западной Европе, то можно увидеть большую свободу действий полицейских зарубежом. Они чаще используют огнестрельное оружие на поражение лица, от которого исходит угроза жизни и здоровью полицейского. При сопоставлении цифр, свидетельствующих о смертной казни (у нас) и гибели людей при задержании, то в данной ситуации Беларусь выглядит лучше. Например, в 2013 году, жертвами сотрудников правоохранительных органов США, как свидетельствуют открытые источники, стал 461 человек. Однако американские эксперты, работающие в области уголовного правосудия, говорят о том, что реальная цифра гораздо выше, поскольку не каждое отделение полиции в США предоставляет данные в ФБР [6].

На наш взгляд, европейский стандарт, предполагающий отказ от применения смертной казни, Беларуси, как европейской страны, приемлем. Полезно делать дальнейшие шаги в этом направлении, формируя соответствующим образом правоприменительную практику, повышая правовое сознание граждан, воздействуя на криминогенную ситуацию с целью сокращения преступности, прежде всего тяжких и особо тяжких преступлений. Совет Европы, высказывая требование об отмене нашей республикой смертной казни и ставя это в качестве одного из условий приема в состав данной международной организации, на наш взгляд, должен учитывать практику приема других государств, которым устанавливался переходный период для приведения законодательства в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Решение вопроса об отмене смертной казни в нашей республике за Главой государства и Парламентом Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. Василевич Г.А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990-1994 гг.) / Белорусский государственный университет. Минск: Право и экономика, 2014. 308 с.

2. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2004. № 41. 6/398.

3. Исследование: белорусы боятся, что у нас могут расстреливать невиновных. Мнения "за" и "против" смертной казни снова разделились [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://news.tut.by/society/369588.html>. – Дата доступа: 10.01.2016.

4. Amnesty International: Смертная казнь в 2011 году [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://news.21.by/world/2012/03/27/491430.html> – Дата доступа: 11.02.2016.

5. Глава ПАСЕ призвал Беларусь, США и Японию отменить смертную казнь [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://news.tut.by/society/369885.html> – Дата доступа: 01.03.2016.

6. СМИ: в США число жертв полицейских достигло рекордной отметки [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141112/1033038577.html#ixzz3RW1TJgAu> – Дата доступа: 15.12.2015.

Информация об авторе

Василевич Григорий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета.

Information about the author

Vasilevich Grigory Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Belarusian State University.

НОВИНКИ

Творческим коллективом кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии подготовлена монография **«Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц»** под научной редакцией доктора юридических наук Ирины Георгиевны Смирновой.

Монография посвящена особенностям расследования фальшивомонетничества, жестокого обращения с животными, незаконной рубки леса, террористических актов, компьютерных и должностных преступлений. С другой стороны, в монографии приводятся особенности расследования преступлений, совершенных отдельными категориями лиц (несовершеннолетними и иностранными гражданами), что является крайне актуальным в условиях увеличения уровня агрессии молодежи, а равно в ситуации существенной миграции граждан между государствами.

Библиотека
БК *криминалиста*

**ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
И УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ
КАТЕГОРИЙ ЛИЦ**

Издательство «Юрлитинформ»

Творческим коллективом Юридического института БГУ и Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации под научной редакцией доктора юридических наук Ирины Георгиевны Смирновой подготовлена и издана очередная монография **«Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ»**.

Монография посвящена криминологической, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической характеристике такого социально опасного явления, как киберпреступность. В работе дается авторская оценка сложившейся ситуации и способам решения проблемы борьбы с киберпреступлениями.

Рекомендуется студентам, бакалаврам, магистрантам, аспирантам, преподавателям юридических факультетов и вузов, практическим работникам правоохранительной и судебной систем, а также всем, интересующимся проблемами расследования преступлений.

**КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ,
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ,
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Издательство «Юрлитинформ»

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые коллеги!

На кафедрах криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, а также уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета формируется очередной номер периодического научного издания «*Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*».

Сборник входит в систему РИНЦ!

Рубрики сборника: *Международные и конституционные основы уголовной юстиции, Уголовный процесс, Криминалистика, Судебно-экспертная деятельность, Оперативно-розыскная деятельность, Трибуна молодого ученого, Особое мнение, Страницы истории, Отзывы. Рецензии, Новинки.*

1. Приглашаем профессорско-преподавательский состав, докторантов, аспирантов к научному сотрудничеству! Научные статьи можно направлять по электронной почте: sib.crim.chtenija@mail.ru.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MSWord, 16 шрифтом TimesNewRoman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ – 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование – по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

3. Статья должна включать следующие элементы:

– сведения об авторе (ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и английском языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;

– название статьи на русском и английском языках;

– аннотацию статьи (**не менее 100 слов**), ключевые слова (5–6 слов) на русском и английском языках;

– код УДК;

– ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального

цитирования. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке;

– список использованной литературы (**не менее 10 источников**), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (БЕЗ ТИРЕ, БЕЗ ПОВТОРА ФАМИЛИИ АВТОРА), помещается в конце статьи. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты, материалы судебной практики указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся.

4. Для аспирантов, магистрантов, студентов к статье прилагается в отсканированном варианте рецензия научного руководителя с его подписью и печатью организации.

5. К опубликованию принимается материал, который при проверке по программе «Антиплагиат», показывает на менее 70% оригинальности.

Образец оформления статьи

УДК 343.1

И.В. Смолькова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующего применение мер пресечения, показывается их сходство и различие, сопоставляются российские меры пресечения с аналогичными китайскими: личное поручительство и передача под поручительство до судебного разбирательства; наблюдение по месту жительства, подписка о невыезде и домашний арест. Рассматриваются основания и условия применения мер пресечения по УПК РФ и УПК КНР. Анализируются проблемы

применения залога в качестве меры пресечения. Дана характеристика заключения под стражу как меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, передача под поручительство до судебного разбирательства, личное поручительство, залог, домашний арест, наблюдение по месту жительства, заключение под стражу.

I.V. Smolkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA GOVERNING THE USE OF RESTRAINT MEASURES

The article gives a comparative analysis of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation and People's Republic of China governing the use of restraint measures, are shown together with their similarities and differences, are mapped to the Russian measures similar Chinese: personal guarantee and the transfer bail before trial; the observation of the place of residence, house arrest and house arrest. Considers the basis and conditions for the application of preventive measures in the UPK RF and UPK PRC. Analyzes the problems of applying bail as a preventive measure. The characteristic of detention as a restraint measure.

Keywords: restraint measure, transfer bail before trial, a bail, cash collateral, house arrest, surveillance by place of residence, detention.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [1]. Текст статьи. Текст статьи [2, с. 49]. Текст статьи¹. Текст статьи². Текст статьи [3, с. 88].

Список использованной литературы

---

¹О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

²О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2. С. 8-12.

1. Юань И. Сравнительное исследование мер процессуального принуждения по УПК РФ и УПК КНР. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 136 с.

2. Муратова Н. Г., Подольский М. А. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел // Судья. 2007. № 5. С. 48–52.

3. Рослов против России: Постановление ЕСПЧ от 17 июня 2010 г. (жалоба № 40616/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2010. № 12. С. 87–89.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the department of criminal law, criminology and criminal proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, Lenin St. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: kupik@isea.ru.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 28.05.15. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. п.л. 7,6. Тираж 100 экз. Заказ.

Отпечатано в ИПО БГУ.